

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение государственного управления и местного самоуправления

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации»

Студент

А.О. Ласария

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д.ю.н., профессор Н.А. Боброва

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Институционально-правовые аспекты религиозной безопасности Российской Федерации.....	14
1.1 Современные религиозные институты в Российской Федерации...	14
1.2 Определение религиозной безопасности Российской Федерации..	28
Глава 2 Конституционно-правовая основа религиозной безопасности Российской Федерации.....	48
2.1 Система правовых источников обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации и ее основные элементы.....	48
2.2 Проблемные аспекты конституционно-правовых основ обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации.....	78
Заключение.....	89
Список используемой литературы и используемых источников.....	92

Введение

Актуальность темы исследования. Вопросы безопасности всегда были и остаются важным направлением юриспруденции, в особенности конституционно-правовой науки. Правовое обеспечение безопасности личности, общества и государства во все периоды российской истории находилось в авангарде государственной политики, что по большей части было детерминировано различными социальными, политическими и правовыми основаниями. Конституционное развитие России, связанное с реализацией положений Закона Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1–ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», способствовало активизации нормотворческой деятельности по совершенствованию правового регулирования ключевых сфер общественных отношений и государственного управления, цель этих мероприятий – приведение в соответствие российского законодательства с текущими и формирующимися потребностями правового государства и гражданского общества, усиление мер правовой защиты прав и свобод личности, создание условий для пассионарного развития, защиты национальных интересов и традиционных ценностей [82, с. 23–27]. Это пересекается и со сферой обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, и с дополнением новых норм в Конституцию Российской Федерации (например положения части 2.1 статьи 67, статьи 67.1), ориентированных на установление конституционно-правовых основ и принципов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Своевременность этих нововведений, определяется сложившейся мирополитической конъюнктурой, требующей синергии государства и общества по уточнению и развитию принципов, способов и подходов обеспечения национальной безопасности в целях противодействия новым планетарным вызовам и угрозам [59, с. 9–18], а также разработки

комплекса упреждающих и превентивных мер по высокоэффективной нейтрализации потенциальных угроз.

Сегодня приобретают фиксируемые очертания три тенденции: первая – парадоксальное соотношение процессов секуляризации и клерикализации; вторая – политизация религиозных различий, подстегивающих религиозно-конфессиональные объединения к поддержанию конфликтности, как во взаимодействие друг с другом, так и по отношению к различным общественно-политическим институтам; третья – формирование квазигосударственных теократических образований с радикально-религиозной доминантой (имеется ввиду, запрещенная на территории Российской Федерации – международная террористическая организация «Исламское государство»).

Результаты «арабской весны» достигнуты благодаря использованию религиозного фактора, определившего массовость и остроту этого явления [94, с. 5]. Конфронтационный характер отношений отдельных ближневосточных стран имеет исторически детерминированную религиозную (например, арабо-израильский конфликт) и конфессиональную (например, ирано-иракский конфликт) подоплеку. Деструктивные социально-политические процессы в Ливии, Сирийской Арабской Республике, приведшие к гражданским войнам, к дестабилизации региональной безопасности в Северной Африке [120] и Ближнем Востоке, к развитию экстремизма, – содержали религиозно-конфессиональные предпосылки [49, с. 113–124]. Религиозный фактор сыграл не последнюю роль и в событиях на Украине в 2014 г., коренным образом скорректировав общественно-политическую повестку в части касающейся украинской религиозно-конфессиональной сферы.

Религиозный фактор может быть использован для негативного воздействия на внутреннюю социально-политическую обстановку в России, в качестве инструмента острой социальной фрагментации – конфронтации по религиозным убеждениям, предпочтениям и верованиям; или путем

осуществления религиозно-конфессиональными организациями деятельности экстремисткой направленности. Указанные угрозы находят подтверждение в положениях Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344. Согласно его пункту 9 «Внешними экстремистскими угрозами являются поддержка и стимулирование рядом государств деструктивной деятельности, осуществляемой иностранными или международными неправительственными организациями <...> а также содействие деятельности международных экстремистских и террористических организаций, в частности распространению экстремистской идеологии и радикализма в обществе» [100].

Религиозные и духовно-нравственные аспекты жизни личности и общества следует учитывать при выработке государственной политики на внутреннем и внешнем контурах. В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [107] выделяются такие виды безопасности как: безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности и иные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Указанный перечень не является исчерпывающим, что открывает возможности для уточнения направлений обеспечения безопасности, путем институционализации самостоятельных сфер национальной безопасности, к ряду которых, без сомнения, следует отнести – религиозную безопасность.

На высокую актуальность данного исследования магистерской диссертации указывает чрезмерно низкая степень разработанности правовых вопросов религиозной безопасности в контексте системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и ее конституционно-правовой основы.

Стабильность и безопасность религиозно-конфессиональной сферы для российского общества является, если не первичным, то одним из ключевых

источников ее благополучия. Потенциальные угрозы, детерминированные религиозно-конфессиональными явлениями могут содержать ряд фактор при которых нарушаются: конституционные права и свободы индивида и гражданина, их всестороннее благосостояние; гражданский мир и согласие; национально-государственный суверенитет и территориальная целостность; возможности устойчивого развития; основы конституционного строя государства [94, с. 7]. Указанные угрозы рассмотрены Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 [99], принятой в развитие положений Конституции Российской Федерации (с учетом поправок, одобренных всенародным голосованием 4 марта 2020 г.), федеральными законами от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Таким образом, исследование конституционно-правовых основ религиозной безопасности – важная составляющая развития отечественной конституционно-правовой науки.

Степень разработанности темы исследования. Специфика развития российского государства на протяжении фиксируемого отрезка истории, особенно социалистического периода, характеризовавшегося господством научного атеизма, девальвировала ценность научно-исследовательских работ по вопросам обеспечения религиозной безопасности в лоне конституционно-правовой науки. Не смотря на структурные и методические ограничения к работам подобного рода, заявленная тема исследования имеет комплексный характер, что делает необходимым обратиться к широкой источниковой базе.

В ходе исследования конституционно-правовых основ религиозной безопасности в Российской Федерации в настоящей выпускной квалификационной работе были использованы нормативные правовые акты, официальные документы, другие источники, научные труды, экспертные оценки и публикации как отечественных, так и зарубежных авторов, в таких сферах, как: юриспруденция, конституционно-правовая наука, политология,

религиоведение, государственное управления и другое. Таким образом, все использованные материалы, источники, труды и публикации допустимо подразделить на несколько групп.

К первой группе следует отнести работы общетеоретического и методологического характера по общим вопросам безопасности государства, национальной безопасности. Значительный вклад в разработку и развитие этих вопросов внесли, такие исследователи как: С.Н. Бабурин, И.Н. Барциц, Р.Ф. Идрисов, Т.М. Пряхин, С.В. Степашин, и другие.

Ко второй группе можно отнести публикации и комплексные научно-исследовательские работы по теории и практике конституционализма, сущности и специфики Конституции Российской Федерации, механизмов реализации ее ключевых положений. Среди авторов второй группы следует выделить: С.А. Авакьяна, К.М. Андреева, Н.С. Бондаря, О.П. Виноградову, С.А. Глотова, В.Е. Гулиева, Н.В. Козловой, Н.М. Колосовой, О.Е. Кутафина, Б.С. Крылова, Е.В. Шевелеву, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина, Б.С. Эбзеева.

Немаловажный интерес для настоящего исследования представляют работы, связанные с разработкой вопросов обеспечения безопасности в ее цивилизационном измерении. Так, к третьей группе относятся известные труды, следующих авторов: Т. Гоббса, К. Маркса, К. Хессе, Д. Хоскинга, С. Хантингтона, Ф. Энгельса и другие.

К четвертой группе относятся научно-аналитические труды по правовым моделям государственно-религиозных отношений, раскрывающих структуру и содержание правовых и политических механизмов обеспечения свободы совести и вероисповедания на территории Российской Федерации, в том числе правовое регулирование защиты прав и свобод человека при острой религиозной конфронтации. Так, политико-правовые способы профилактики и урегулирования религиозных конфликтов проанализированы в трудах: Т.Ю. Архирейской, Ю.Д. Комарова, И.А. Куницына, Е.Г. Ляхова А.М. Магомедова, Д.В. Мухетдинова, Л.В. Осиповой, И.Ю. Рыковой, К.М. Салимов, О.Н. Терехова, М.О. Шахова.

К отдельной группе правомерно отнести докторские и кандидатские диссертации по сопряженным темам исследования, посвященные актуальным проблемам правового регулирования религиозной безопасности, конституционно-правовым основам религиозной безопасности. Внимания заслуживают диссертации следующих авторов: С.Д. Афанасьев, И.А. Тарасевича, А.Л. Дворкина, И. Куликова, А.И. Хвыля-Олинтер и другие.

Таким образом, диагностируется относительно невысокий уровень разработанности заявленной темы исследования.

Источниковая база исследования представлена комплексом использованных в работе, различных по своей структуре. Их можно подразделить на несколько блоков:

- Конституция Российской Федерации, нормативные правовые акты, стратегические и программные документы Российской Федерации;
- международно-правовые акты (резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, декларации, соглашения);
- тексты заявлений, выступлений и докладов официальных лиц Российской Федерации;
- аналитические и справочные материалы;
- статистические материалы и результаты социологических опросов;
- публикации средств массовой коммуникации.

Объект исследования – общественные правоотношения в сфере обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации.

Предмет исследования – конституционно-правовые нормы, связанные с определением состояния религиозной безопасности Российской Федерации и ее обеспечением.

Целью настоящей магистерской диссертации является – определение сущности религиозной безопасности, ее конституционно-правовой основы и проблемных аспектов конституционно-правового обеспечения религиозной безопасности.

Цель выпускной квалификационной работы определила постановку и решение следующих частных **научно-исследовательских задач**:

- определить структуру и элементы системы религиозных институтов в Российской Федерации;
- определить содержание понятия религиозной безопасности;
- проанализировать имеющиеся подходы к классификации угроз религиозной безопасности Российской Федерации для выявления наиболее опасных;
- определить принципы обеспечения религиозной безопасности;
- провести анализ системы нормативных правовых актов, составляющих конституционно-правовую основу безопасности Российской Федерации;
- выявить проблемные аспекты конституционно-правового регулирования религиозной безопасности Российской Федерации.

Новизна результатов диссертационного исследования определяется следующими результатами:

- конкретизированы подходы в части понимания сущности и специфики религиозных институтов в Российской Федерации;
- установлены противоречия в научном толковании «традиционных» и «нетрадиционных» религиозных объединений, в том числе неоправданность данного деления;
- определены основные подходы, способы и модели обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации;
- приведена исчерпывающая система правовых источников обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации;
- установлены проблемные аспекты конституционно-правового регулирования религиозной безопасности Российской Федерации.

Методологической основой исследования выступают: общенаучный и системный методы исследования; метод сравнительного исследования; функциональный метод, контент-анализ официальных документов.

Выбранная методологическая база обуславливается двумя факторами: первый – современными тенденциями, закономерностями и процессами развития отечественной юридической науки; второй – авторской позицией исследователя. С помощью общенаучных методов проанализирована конституционно-правовая база религиозной безопасности в Российской Федерации, в неразрывной связи с социально-политическими, культурными и другими процессами; выявлены системообразующие тенденции и закономерности российских религиозно-конфессиональных отношений (государственно-конфессиональных отношений).

Применение сравнительного метода позволяет сопоставить различные конституционно-правовые институты, находящиеся в казуальной связи с религиозно-конфессиональной сферой. Исследование опирается на теоретико-методологические парадигмы смежных отраслей научного знания, таких как: политология, социология и религиоведение.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Законодательное регулирование не содержит четкого ответа на вопрос о месте религиозных объединений в системе объединения граждан. Законодательство о религиозных объединениях нуждается в совершенствовании и в вопросе о соотношении и взаимоотношениях религиозных объединений со светскими некоммерческими организациями и общественными объединениями, урегулирование этих вопросов в наибольшей степени коррелирует с обеспечением религиозной безопасности Российской Федерации.

2. Обеспечение религиозной безопасности не может является исключительной прерогативой государства, и поэтому должно включать всевозможные усилия религиозных институтов – представители традиционных религий. Причиной тому является невозможность со стороны государства координировать вопросы религиозного образования, поддержания религиозно-конфессиональных традиций, проведения религиозных мероприятий, поддержание высокого морального и

культурного облика человека и другое. Порой необоснованное или беспочвенное вмешательство, попытка корректировки системы религиозных традиций может стимулировать возникновение острых угроз национальной безопасности, имеющих религиозный контекст.

3. Определения терминов «традиционная религия» и «традиционная конфессия» в тексте самого ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» отсутствуют, как и в любых других нормативных правовых актах. Это обстоятельство создает напряжение в дискуссиях, связанных с определением отличительных особенностей «традиционных религий» и «традиционных конфессий». На территории Российской Федерации есть представители коренных малочисленных народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, исповедующих религиозные убеждения и верования реликтового и локализованного типа – язычества, монотеизма, шаманизма; которые, в свою очередь, являются традиционными для конкретной местности в границах субъектов Российской Федерации, поэтому целесообразность применения категоричного императива в определении круга традиционных религий выглядит весьма дискуссионной.

4. Религиозная безопасность является междисциплинарным концептом и должным образом не отрефлексирована ни в юриспруденции, ни в политологии, ни в теории безопасности. Вполне закономерно, что отсутствует его определение и в нормативных правовых актах. В методологическом плане данная категория в зависимости от специализации изучающего её ученого рассматривается либо как частный случай общественной безопасности, либо как специфическая форма духовной безопасности.

5. Вопросы религиозной безопасности в числе прочего регулируются нормативными правовыми актами, закрепляющими различные виды ответственности за нарушение прав и законных интересов граждан в религиозной сфере. Кроме того, при изучении религиозной безопасности следует обращаться к законодательным актам, регулирующим иные вопросы

рассмотрения и разрешения судебных дел по прекращению деятельности религиозных организаций. Правовое регулирование обеспечения религиозной безопасности разработано слабо и характеризуются низкой системностью, пробельностью и некоторой противоречивостью имеющихся норм. В то время как разработаны и применяются нормативные правовые акты, регламентирующие меры и способы по противодействию экстремизму и терроризму, в том числе по мотивам религиозной ненависти и вражды.

6. Проблемные аспекты конституционно-правового регулирования религиозной безопасности Российской Федерации отражены в контексте конституционно-правовой характеристики государства по отношению к религии; правовом паритете религиозных объединений, который коррелирует с принципом дистанцирования религиозных объединений от государства; конституционно-правовом закреплении особой роли «традиционных» религий. Вместе с тем, отдельного внимания могли бы заслужить такие конституционно-правовые элементы, коррелирующие с обеспечением религиозной безопасности, как: уважение внутренних установлений религиозных объединений, особенности правовой защиты чувств верующих, установление нерабочих государственных праздников, связанных с религиозными датами и т.д.

7. На основе проведенного анализа и выявленной пробельности, слабой разработанности основ правового регулирования обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации, а также складывающейся вокруг России негативной международно-политической обстановки, представляется целесообразным разработать и принять в развитие ключевых положений Конституции Российской Федерации, ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Стратегии национальной безопасности от 2021 г. – Концепции государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации.

Теоретическая и практическая ценность результатов исследования заключается в накопленном аналитическо-прогностическом ресурсе

выпускной квалификационной работы, углублении и расширении сведений о системообразующих факторах обеспечения религиозной безопасности, ее конституционно-правовых основ. Систематизация структуры и содержания конституционно-правовых основ религиозной безопасности в Российской Федерации могут быть базой для разработки документов, регламентирующих систему религиозно-конфессиональных отношений в России. Результаты исследования могут составить отдельный блок в рамках специализированного академического курса по правовому обеспечению национальной безопасности Российской Федерации или конституционно-правовому развитию Российской Федерации (религиозно-конфессиональный компонент). Основные выводы выпускной квалификационной работы могут лечь в основу аналитического материала, используемого в практической деятельности по совершенствованию нормативного правового регулирования обеспечения религиозной безопасности, противодействия экстремизму и т.п.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность и обоснованность результатов, полученных в ходе исследования, подтверждается использованием корректных научных методов исследования, построением выводов и рекомендаций на основе изучения значительного объема нормативных правовых актов, научной и специальной литературы, анализа репрезентативных эмпирических материалов (правоприменительной практики в сфере обеспечения религиозной безопасности, статистических данных, информации СМИ), осуществленными в ходе написания настоящей выпускной квалификационной работы.

Структура выпускной квалификационной работы (магистерской диссертации) predetermined целью и задачами, логикой проведенного исследования. Магистерская диссертация состоит из введения, двух глав (состоящих из 4 параграфов), заключения, содержит 2 рисунка, 1 таблицу, список используемой литературы и используемых источников (125 наименований).

Глава 1 Институционально-правовые аспекты религиозной безопасности Российской Федерации

1.1 Современные религиозные институты в Российской Федерации

Разнообразный этнический и религиозно-конфессиональный состав российского общества имеет глубокие исторические корни. В упоминаниях, засвидетельствованных «Повестью временных лет», неотъемлемой чертой Российского государства указывалась гетерогенность ее социально-культурных компонентов: полиэтничности и религиозно-конфессионального разнообразия, о чем свидетельствует, например, следующий фрагмент памятника древнерусской истории: «...а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке – там, где она впадает в Волгу, – мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот только кто говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться вольнянами...» [69].

Развитие институтов правового государства и гражданского общества немислимо без гражданского правосознания, выступающего ценностным базисом. Состояние и траектория развития институтов гражданского общества обусловлены функционирующими в государстве автономными и добровольными объединениями, их цель – удовлетворение потребностей членов общества и обеспечение конструктивного взаимодействия с органами государственной власти.

Как справедливо отмечает И.А. Тарасевич именно религиозные объединения находятся на передовой инициативы, формулирующей общественно значимые проблемы, выступая, как для удовлетворения собственных интересов, так и в угоду фундаментальных интересов крупных общественно-религиозных групп [94, с. 10–15].

Правовой статус религиозных объединений, урегулированный российским законодательством и система государственно-конфессиональных отношений, установленная нормативным правовым актом высшей юридической силы, в сумме выступают недвусмысленными индикаторами состояния реализации и соблюдения прав и свобод людей, связанных с вероисповеданием (идеологический плюрализм, паритет религиозно-конфессиональных структур, невмешательство государства в дела религиозных объединений и т.д.). Ценность религиозных институтов для государства как важного элемента гражданского общества связано с тем, что Россия – крупнейшая полиэтничная страна с весьма разнообразной палитрой религиозно-конфессиональных представительства, начиная с традиционных религий, заканчивая локальными аутентичными религиозными реликтами.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (поскольку на момент проведения исследования, в рамках магистерской диссертации, не были обнародованы официальные результаты Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., используются данные результатов Всероссийской переписи 2010 г.), в Российской Федерации проживает 193 этнические общности, которые разговаривают на 277 языках и диалектах. По состоянию на 22 апреля 2019 г. (по данным Росстата) в Российской Федерации зарегистрировано 30896 религиозных организаций, в статусе «централизованных» – 610, «местных религиозных учреждений» – 28992, «духовных образовательных организаций» – 180, «монастырей» – 515, иные религиозных структур – 599 [114].

В соответствии с результатами проведенного в 2014 г. Институтом социологии Российской академии наук исследования большинство россиян относят себя к православным [84], наглядно на рисунке 1.

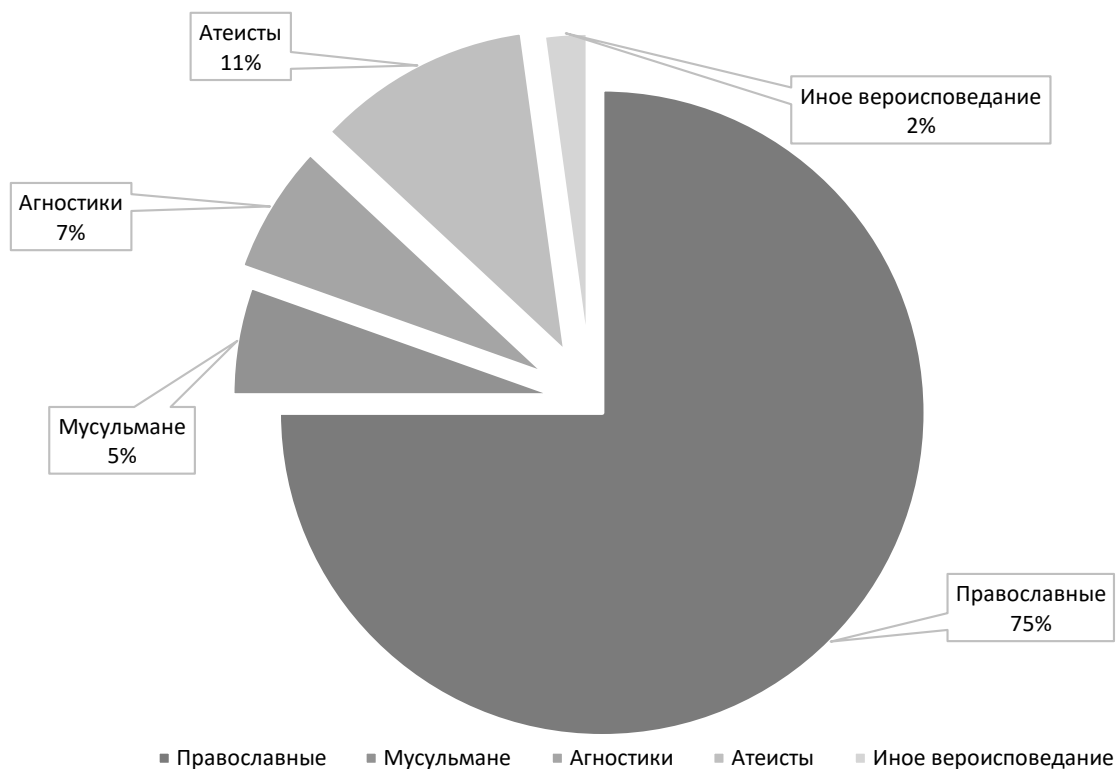

Рисунок 1 – Вероисповедание россиян. Исследование ИС РАН

Вместе с тем, по результатам проведенного Фондом «Общественное мнение», доля православных среди россиян в 2014 г. составила 68 %, что на 16 % больше, чем в 1997 г. Однако, как отмечают профильные эксперты, нельзя с полной уверенностью заявлять о том, что количественный прирост религиозной идентификации сулит о качественных изменениях, имеющих свойство отражаться на жизненных установках, приоритетах и ориентирах российских граждан [96, с. 177–191].

За последние десятилетия в Российской Федерации произошли важные институциональные трансформации, связанные: во-первых, с расширением пространства участия религиозных объединений в образовательной, благотворительной, предпринимательской и иных видах деятельности; во-вторых, с ростом религиозно-конфессиональной палитры, а в результате числом регистрируемых религиозных объединений.

Процесс обусловлен следующими диагностируемыми факторами: внутренними религиозно-конфессиональными разногласия, трения и

противоречия догматического и каноническими содержания; легализацией деятельности средствами официальной регистрации в качестве юридического лица; активной миссионерской деятельностью, приведшей к появлению на российской территории зарубежных культовых религиозных течений.

При рассмотрении прикладных вопросов религиозной безопасности, в первую очередь, требуется анализ связанной теоретико-методологической базы, в основе которой лежат обоснованные и законодательно закреплённые определения, понятия и термины.

Разработка авторских определений путем выявления характеристик и свойств исследуемого феномена является обязательным критерием научного познания. Уточнение объемов понятий, связанных с религиозной сферой явлений – релевантная научная задача. Сложность во многом определяется мультимодальным характером этих явлений, возможностью их осмысления с точки зрения многих научных направлений (помимо юридической науки, это философия, культурологии, религиоведения, социологии, политологии). Успешность ее решения и перспективы будущих исследований зависят от возможности учитывать всю совокупность взаимосвязанных элементов рассматриваемого явления, множественность пересечений со схожими явлениями и процессами.

Религиозные институты, созданные в целях коллективного исповедания духовно-религиозных убеждений, почитания религиозных символов, исполнения религиозных обрядов и церемоний, обладают особым статусом среди иных институтов гражданского общества [125, р. 73]. Наряду со светскими государствами, где религиозные институты находятся в существенном отдалении от органов государственной власти, есть и те страны, не считая явных теократических режимов, в которых религиозные объединения являются неотъемлемой частью государственной системы (то есть, там, где провозглашена так называемая «государственная религия») и апеллируют атрибутами публичной власти. В специальных отраслях законодательства отдельных зарубежных стран религиозные объединения

выделены в особую разновидность общественных объединений, статус которых регулируется специальными законодательными актами [123, р. 101–124] (например, Греция, Англия и другие.).

Как отмечает С.Д. Афанасьев, имеется несколько подходов к предмету регулирования в законодательных актах государственно-конфессиональных отношений [7, с. 50–56], а именно:

- сведение в единый правовой акт вопросов регулирования свободы совести и статуса религиозных объединений (характерно для государств постсоветского пространства, включая Российскую Федерацию). К ним относятся: Армения (Закон Республики Армения от 17 июня 1991 г. «О свободе совести и религиозных организациях»); Белоруссия (Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях»); Казахстан (Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях»); Таджикистан (Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. № 489 «О свободе совести и религиозных объединениях»);
- правовое регулирование свободы вероисповедания, установление норм коллективной религиозной свободы [121] (характерно для ряда европейских стран). К ним относятся: Испания (Закон Королевства Испания от 5 июля 1980 г. № 7/1980 «О религиозной свободе»); Польша (Закон Республики Польши от 17 мая 1989 г. № 155 «О гарантиях свободы совести и религии»); Португалия (Закон Португальской Республики от 22 июня 2001 г. № 16/2001 «О религиозной свободе»);
- правовое регулирование статуса религиозных объединений путем принятия «адресных» законодательных актов о статусе и положении религиозных объединений [124] (характерно для ряда европейских стран). К ним относятся: Латвия (Законы Латвийской

Республики от 7 сентября 1995 г. «О религиозных организациях» и от 13 ноября 2008 г. «О Латвийской православной церкви»); Мексика (Закон Мексиканских Соединенных Штатов от 15 июля 1992 г. «О религиозных объединениях и общественных отправлениях культа»); Финляндии (Закон Финляндской Республики от 26 ноября 1993 г. № 26.11.1993/1054 «О церкви» и от 6 ноября 2006 г. № 6.11.2006/985 «О Православной церкви»); Франция (Закон Французской Республики от 9 декабря 1905 г. «Об отделении церквей от государства»).

Однако в специальной литературе фиксируются экспертные позиции о необходимости отказа от отдельного правового регулирования статуса религиозных объединений, параллельно вводя специальные нормы в правовые акты, регулирующие правовой статус некоммерческих организаций и общественных объединений. Доводы в пользу этой позиции следующие.

Во-первых, религиозные объединения уместнее всего воспринимать как разновидность общественных объединений, в текущей реальности, не обладающих отличительными особенностями, требующими их выделения.

Во-вторых, издание «адресных» законодательных актов в религиозной сфере входит в некоторое противоречие с конституционным принципом равенства религиозных структур (свободы выбора религиозных убеждений), в том числе императивность отсутствия обязательной идеологии [87, с. 1037–1038].

В-третьих, поскольку религиозная сфера содержит преимущественно частные и индивидуальные «смыслообразующие» свойства, религиозные объединения не должны «вторгаться» в государственный сектор и оказывать какое-либо воздействие на принятие решений в системе государственного управления, если вопросы напрямую не связаны с религиозной сферой.

Статус религиозных объединений может быть урегулирован в рамках сводных положений о свободе собраний и объединений, а нормы, касающиеся свободы вероисповедания могут быть изложены в положениях,

регулирующих вопросы свободы слова. Этот нарратив свидетельствует о единстве правовой природы религиозных объединений и общественных объединений [7, с. 50–56].

Для отечественного юридического дискурса свойственно наличие различных точек зрения в толковании природы религиозных объединений. А.Н. Садков, полагает, что религиозные институты не могут быть формой некоммерческих организаций, поскольку они ничто иное как некоммерческие партнерства [85, с. 5].

Н.В. Козлов рассматривает религиозные организации исключительно как разновидность общественных организаций [37, с. 262], имеющих несущественные особенности, не дающие каких-либо оснований для обособления их правового положения.

Однако для К.В. Артеменкова очевидна близость общественных и религиозных объединений, обусловленная общностью их природы, сути и логики организационно-хозяйственной деятельности [5, с. 74]. Представляется, что подход К.В. Артеменкова наиболее состоятелен. Общность правовой природы религиозных и других общественных объединений обосновывается следующим.

1. В соответствии с положением статьи 2 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82–ФЗ «Об общественных объединениях» [103] (далее – ФЗ «Об общественных объединениях») действие данного правового акта не распространяются на религиозные организации. Однако формулировка, закрепленная в статье «...распространяется на все общественные объединения, созданные по инициативе граждан, за исключением религиозных организаций...» при дословной интерпретации указывает на то, что религиозные организации являются разновидностью общественных объединений.

2. При абстрактном подходе к определению понятия «общественное объединение» как «устойчивого юридически оформленного и обладающего установленной структурой формирования граждан, объединившихся на

основе общности интереса и для достижения общих целей» [3, с. 48], религиозные объединения по своим характерным чертам и свойствам подходят под этого определение.

М.О. Шахов, транслируя совершенно иное конституционно-правовое понимание, отмечает, что религиозные объединения по своему социальному предназначению и правовой природе сформированы по ряду отличительных черт, которые нуждаются во внятном законодательном закреплении [116, с. 237]. Отличительные черты религиозных объединений – базис для вычленения их правового статуса, это, собственно, сопоставляет религиозные объединения с другими общественными объединениями [89, с. 71–75].

Вопрос разграничения правового статуса религиозных и общественных объединений в контексте государственной регистрации юридических лиц был рассмотрен Конституционным Судом Российской Федерации. В соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 26–П «По делу о проверке конституционности положений статьи 21.1 и пункта 7 статьи 22 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой гражданина А.В. Федичкина» [76] в основе создания и функционирования религиозных объединений – конституционно-правовые возможности людей коллективно исповедовать религиозные убеждения, а не обязательно, как может показаться, право на объединение, которое является первоосновой для создания и функционирования иных видов общественных объединений. Свобода совести и вероисповедания предполагают свободное создания религиозных объединений, свободная организация их деятельности на основе их правового паритета.

Возникающие права и обязанности религиозных объединений по своему характеру являются – коллективными, так как реализуются человеком совместно с другими людьми созданием религиозного объединения, цель же создания отлична от тех, что ставятся перед собой другие общественные

объединения, и заключается в коллективном исповедании религиозных культов.

Как справедливо заметил С.Д. Афанасьев [7, с. 50–56], ссылаясь на Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18–П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» [74], особенно подчеркивается надпартийный и в принципе индифферентный в отношении политических процессов характер религиозных объединений.

Это нашло отражение в положениях статьи 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125–ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [106] (далее – ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»), исключающих выполнение функций публичных органов религиозными объединениями, в том числе выступление в качестве субъектов электоральных циклов, участие в работе политических партий и движений.

Таким образом, отличительные особенности религиозных организаций от общественных объединений выражены в их ключевых целях.

Базой регулирования правового статуса религиозных объединений являются нормы статей 14 и 28 Конституции Российской Федерации. В развитие положений Основного закона Российской Федерации в 1997 г. принят упомянутый выше ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Закон регулирует правоотношения, возникающие в части обеспечения незыблемых прав любого человека на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений. Согласно пункту 2 статьи 6 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций. Законодательные

акты, закрепляющие статус религиозных объединений, не являются нововведением для российского правового поля, так в истории отечественного законодательства и ранее существовали акты, призванные урегулировать статус объединений подобного рода.

Важное значение отведено вопросу объема понятия «традиционных» для России религий. Основная часть исследователей признают в качестве традиционных для России религий – православие, ислам, буддизм, иудаизм. Это находит свое отражение в преамбулы ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»: «...признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России...».

Определения терминов «традиционная религия» и «традиционная конфессия» в тексте самого ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» отсутствуют, как и в любых других нормативных правовых актах. Это обстоятельство создает напряжение в дискуссиях, связанных с определением отличительных особенностей «традиционных религий и конфессий». Для части правоведов, например упомянутого И.А. Тарасевича, религии и конфессии не отмеченные в преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» неуместно сводить к традиционным для российского социума [94, с. 37].

Однако на территории Российской Федерации есть представители коренных малочисленных народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, исповедующих религиозные убеждения и верования реликтового и локализованного типа – язычества, монотеизма, шаманизма и т.д.; которые, в свою очередь, являются традиционными для конкретной местности, как правило, в границах тех или иных субъектов Российской Федерации, поэтому целесообразность применения категоричного императива в определении круга традиционных религий выглядит весьма дискуссионной.

В прочих законодательных актах усматривается подход, при котором религиозные объединения наделяются особым статусом в сравнении с иными общественными объединениями, примеры этому обстоятельству следующие.

Во-первых, согласно упомянутому положению статьи 2 ФЗ «Об общественных объединениях», регулирующему общественные отношения, возникающих при реализации гражданами права на коллективные объединения, их создание, работу, реорганизацию и/или ликвидацию общественных объединений, ее нормы не распространяется на такую разновидность некоммерческих объединений как религиозные объединения.

Во-вторых, согласно части 4 статьи 1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7–ФЗ «О некоммерческих организациях» [104] (далее – ФЗ «О некоммерческих организациях») ограничено действует по отношению к религиозным объединениям, поскольку на них не распространяются положения данного акта о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента; в том числе, о порядке создания, реорганизации и/или ликвидации некоммерческих организаций; об управлении некоммерческой организацией; о контроле за деятельностью некоммерческих организаций.

В-третьих, согласно статьям 50, 123.26–123.39 Гражданского кодекса Российской Федерации религиозные организации выделяются в отдельную разновидность некоммерческих унитарных организаций. Любопытно, что разработчики Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации исходили из правовой близости природы общественных и религиозных объединений особенно в части организации административно-хозяйственной деятельности, полагая, что в гражданских правоотношениях они выступают в одной организационно-правовой форме, что в результате – девальвирует необходимость их понятийного разведения. Но в дополненной редакции Гражданского кодекса Российской Федерации 2014 г. сохранилось обособление религиозных объединений в отдельную разновидность некоммерческих организаций.

В-четвертых, согласно положениям Федерального закона от 30 ноября 2010 г. № 327–ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» [109] (далее – ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества...») регулируются меры и способы приобретения государственного и другого имущества религиозными организациями для реализации установленных целей религиозных объединений.

В-пятых, в Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135–ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)») и ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 2018 г. были внесены поправки в нормы регулирования благотворительности и волонтерства. При разработке изменений были учтены предложения Русской православной церкви Московского патриархата (далее – РПЦ МП) в части касающейся института добровольчества, в частности использования труда добровольцев в деятельности религиозных организаций (согласно абзацу 3 части 1 статьи 3 ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»), а также недопустимости регулирования подобного рода деятельности в рамках порядка взаимодействия государственных и муниципальных образований с организаторами волонтерской деятельности, волонтерскими организациями (согласно пункту 6 статьи 18 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»).

Как отмечает С.Д. Афанасьев [7, с. 50–56], с учетом достаточно абстрактного толкования понятия «деятельность религиозных организаций» потенциально возможны разночтения указанных положений в части «пространства» действия ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», вероятнее же всего нормы ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» должны распространять свое действие на религиозные объединения с поправками на ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в соответствии с

принципом соотношения общего и специального правового регулирования). Об этом свидетельствует официальная позиция РПЦ МП [119]. Данный вывод не вытекает из текста законов, что не исключает проблемы при их применении.

В-шестых, в соответствии с поправками 2019 г. положений статьи 17.1 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» наделяющие религиозные объединения исключительным правом организации паломнических поездок. На осуществляемую религиозными объединениями паломническую деятельность не распространяются нормы, предусмотренные частью 5 статьи 2 Федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132–ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Примечательно, что в соответствии с содержанием Пояснительной записки к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (законопроект № 514138–7) цель законодательной инициативы – защитить права верующих на посещение мест религиозного значения, в том числе оградить паломников от недобросовестных организаторов поездок.

Таким образом, в сфере правового регулирования туристской деятельности для религиозных организаций создано дополнительное условие или исключение.

Подводя промежуточный итог, следует отметить, выявленную правовую закономерность регулирования религиозной сферы, выраженной действующим в российском законодательстве подходе наделения религиозных объединений специальным статусом. Но это обстоятельство не снимает вопросов соотношения с такими близкими институтами как некоммерческие организации и общественные объединения, что порождает широкий спектр толкований. Статья 2 ФЗ «Об общественных объединениях» выводит из-под своего действия такую форму религиозных объединений как – религиозные организации, но не содержит указаний на действие законодательного акта в отношении иного вида религиозных объединений – религиозных групп. При буквальной интерпретации рассматриваемой статьи

можно прийти к выводу, что в отношении религиозных групп ФЗ «Об общественных объединениях» действует, но в нем отсутствуют указания на особенности регулирования различных аспектов функционирования религиозных групп.

В соответствии со статьей 7 ФЗ «Об общественных объединениях» для религиозных групп не установлены виды организационно-правовых форм. В данном контексте проявляется некоторая неопределенность правового статуса религиозных групп, поскольку остается неясным, легально ли их квалифицировать как общественные объединения.

Более того, отмечается, что действующее законодательство не затрагивает вопросы о месте и назначении религиозных объединений в системе общественных отношений, об их взаимодействии с иными общественными объединениями [1, с. 339]. Подобные коммуникации, равно как и сотрудничество религиозных и светских организаций, требуют правовой проработки.

Как отмечает И.А. Пибаяев, система государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации имеет двухуровневую структуру, то есть религиозные объединения в Российской Федерации поляризованы на религиозные группы и религиозные организации [68, с. 11].

В российском законодательстве прослеживается тенденция специализации законодательства о религиозных объединениях, то есть обособление их правового статуса достаточно усиливается. В то же время законодательное регулирование не содержит четкого ответа на вопрос о месте религиозных объединений в системе объединений граждан.

Очевидно, что законодательство о религиозных объединениях нуждается в совершенствовании и в вопросе о соотношении и взаимоотношениях религиозных объединений со светскими некоммерческими организациями и общественными объединениями, урегулирование этих вопросов в наибольшей степени коррелирует с обеспечением религиозной безопасности в Российской Федерации.

1.2 Определение религиозной безопасности Российской Федерации

Для определения сущности, содержания и специфики такого феномена как религиозная безопасность необходимо последовательно рассмотреть объем понятия «безопасность». Обеспечение безопасности социума является ключевой целью организации функционирования общественно-политических институтов государства.

До принятия Федерального закона от 28 декабря 2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [107] (далее – ФЗ «О безопасности») ключевым нормативным правовым актом в области безопасности в государстве являлся Закон Российской Федерации от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу), который, с точки зрения, своего наполнения специальными нормами, не предоставлял возможности в полном объеме урегулировать весь спектр возникающих проблемных вопросов в обеспечении безопасности личности, общества и государства.

Прежде всего, это объясняется периодом принятия, рассматриваемого законодательного акта – социально-политической обстановкой того времени и некоторыми «нестыковками» с центральными положениями Основного закона Российской Федерации.

Действующая редакция ФЗ «О безопасности» не стала концептуально новым или инновационным правовым актом, призванным урегулировать вопросы безопасности в Российской Федерации. Этим Законом были установлены политико-правовые основы системы обеспечения безопасности граждан, общества и государства. Примечательно то, что в содержании этого документа не нашлось место определению понятия «безопасность», поскольку именно это раскрыло проблемный и дискуссионный потенциал в интерпретации и толковании природы «безопасности» как в нормативном правовом измерении, так и в научно-практической области.

В рамках ФЗ «О безопасности» определен спектр общественных отношений, неотъемлемых компонентов государственной безопасности.

Согласно статье 1 ФЗ «О безопасности» к ним относятся общественные отношения, направленные на обеспечения безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности и безопасности личности. Однако, этот перечень не является исчерпывающим по типам и сферам проявления, что очерчивает некоторые пределы в интерпретации многозначного понятия «безопасность» [25, с. 65–67].

Для установления существенных признаков анализируемой категории, следует обратиться к ее этимологии. Еще академик В.Н. Кудрявцев отмечал, что «недостаточное внимание к терминологии, отсутствие единства в понимании... затрудняет не только исследовательскую работу, но и практическую деятельность юриста».

Некоторыми исследователями, категория «безопасность», определяется через смежные понятия, такие как «надежность» и «сохранность», что коррелирует с определением толкового словаря [20, с. 67]. Как отмечают А.В. Петрянин и О.А. Петрянина, именно такие составляющие как «надежность» и «сохранность» отражают сущность современной национальной безопасности, надежность, обеспечивающих ее параметров, и сохраняющих/фиксирующих достигнутые национально-государственные достижения в разных сферах общественно-политической жизни [67, с. 173–174].

Для Н.Д. Казакова безопасность – это направление деятельности по защите от внешних и внутренних угроз, выраженная в создании определенных условий для стабильного существования общественно-государственных институтов, отмечая, что критерием, определяющим степень успешности обеспечения безопасности, является устойчивость к изменениям [31, с. 62–63]. Изложенное определение представляется достаточно удачным, поскольку безопасность рассматривается автором не только как действие, но и как состояние. При том, поправка на устойчивость к изменениям указывает на необходимость постоянного анализа и контроля состояния защищенности в целях оперативного и эффективного

реагирования как на возникающие, так и потенциальные вызовы, и угрозы. Недостатком такого «стабилизирующего» подхода к понятию безопасности является «де-факто» негативная оценка трансформаций.

О.А. Бельков, находясь на тех же научно-методологических позициях, определяет безопасность как состояние определенного этапа развития общества, при котором обеспечиваются сохранность и стабильность для полноценного функционирования [10, с. 91–92].

Например, Т.М. Краснянская рассматривает безопасность как «внутреннюю характеристику конкретного субъекта, изменяющуюся некоторым образом под действием каких-либо внутренних и внешних для него факторов» [47, с. 62–87]. Нельзя не отметить некоторую ограниченность данного определения в силу его абстрактности, невозможности вычленить структуру, элементы, факторы и критерии безопасности.

Подводя промежуточный итог по анализу взглядов различных авторов к определению понятия «безопасность», можно прийти к выводу: в научной литературе распространены три методологически обусловленных подхода к определению объема понятия «безопасность»: охранительный, то есть безопасность – защищенность интересов того или иного субъекта от потенциальных угроз; системный, то есть безопасность – состояние сохранности целостности, устойчивости и стабильности функционирования системы при активных и пассивных деструктивных воздействиях на нее; аксиологический, то есть безопасность – защищенность материальных и духовных ценностей на уровне государства, социума и индивида от ущерба.

В последнее время появились и «синтетические» формулировки, то есть попытки деполяризовать подходы. Таким образом, единого толкования ни в теоретико-методологическом, ни в нормативном правовом плане не имеется из-за сложности и многозначности понятия. Данное положение вещей, ведет к низкой правовой урегулированности отношений. Неопределенность свойственна и типологизации безопасности. Предложить

внятные основания классификации видов безопасности не просто. По мнению А.И. Позднякова, они могут быть классифицированы [70, с. 46–53]:

- по разновидностям субъектов деятельности, о безопасности которых оговаривается или объектов обеспечения безопасности;
- по разновидностям ценностей субъекта, которые надо защищать от ущерба.

Иным основанием для типологизации безопасности может являться привязка к различным сферам общественной жизни:

- экономическая, энергопромышленная;
- безопасность в научно-образовательной среде, технической;
- политическая и общественная безопасность;
- демографическая и миграционная безопасность;
- религиозная, духовная, культурная и т. п. безопасность;
- информационная безопасность;
- военная безопасность.

Таким образом, под безопасностью в широком смысле можно понимать состояние защищенности жизненно важных интересов государства, общества и личности от внешних и внутренних угроз.

Другой категорией, требующей детального рассмотрения в рамках определения сущности религиозной безопасности, является «национальная безопасность».

В научных изысканиях по вопросам толкования сущности понятия «национальная безопасность» также имеется неоднозначность.

В отечественной науке можно выделить несколько подходов к определению данного понятия. В Конституции Российской Федерации упомянутое понятие не употребляется, а используется – «государственная безопасность» и «безопасность».

При проведении ретроспективного анализа есть основания полагать, что такая категория – «национальная безопасность» прошла несколько этапов

вариативности толкования, развития политического смысла и правового закрепления.

Впервые понятие «национальная безопасность» было использовано в Федеральном законе от 1 января 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации» (утратил силу), позднее в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 13 июня 1996 г. «О национальной безопасности», позже в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 1997 г. (утратил силу).

Как отмечает А.М. Воронов, принятие ФЗ «О безопасности» стало «важной вехой в развитии теории безопасности» [12, с. 35–42]. Но указанный данный законодательный акт не содержит конкретных определений центральных понятий – «национальная безопасность» и «безопасность».

В этой связи представляется интересной позиция авторов комментария к ФЗ «О безопасности» Е.А. Белокрыловой и Е.А. Бевзюк, которые отмечают «законодателю необходимо было включить в содержание статьи такие понятия, как «национальная безопасность», «безопасность государства», «безопасность общества», «безопасность личности», «обеспечение безопасности», «внешние угрозы обеспечению национальной безопасности», «внутренние угрозы обеспечению национальной безопасности»...» [9].

В не менее критичной коннотации формулирует свою позицию А.Н. Калюжный, указывая, что «современная система мер по обеспечению национальной безопасности сможет поддерживать институциональные механизмы и ресурсные возможности общества и государства на должном уровне только лишь при наличии совершенных правовых средств и правовых инструментов защиты государственного суверенитета и национальных интересов, ведущая роль среди которых отводится федеральному законодательству» [33, с. 7–10].

Для современного юридического дискурса категория «национальное» имеет некоторую смысловую неопределенность и в большей мере

свойственна политической и социологической сферам, что оправдывает ее отсутствие в тексте ФЗ «О безопасности» [11, с. 27–39].

Фактически первым в ряде современных законодательных актов, содержащим конкретное определение «национальной безопасности», стала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, согласно положениям которой, национальная безопасность определялась как – «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства».

Неприятие данному определению выказывает В.Г. Вишняков, заявляя о принципиальной нецелесообразности применения конструкции «состояние защищенности», поскольку в положениях Основного закона Российской Федерации используются, более точные и понятные смысловые конструкции, такие как «принимает меры», «защищает», «гарантирует» и т.д. «Состояние» понимается в значении «находиться», государство же предпринимает активные меры – действия [11, с. 27–39].

И.Б. Кардашова, в свою очередь, пишет, что «явилось знаменательным событием, так как этот политико-идеологический документ по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является свидетельством зарождения российской стратегической культуры» [35, с. 29–32].

Для Г.Г. Попова «национальная безопасность, представляя собой состояние защищенности жизненно важных интересов таких социальных субъектов, как личность, общество и государство, есть общественное отношение по поводу реализации данных интересов» [72, с. 36].

В.Д. Самойлов отмечает, что понятие «национальная безопасность» следует определять, как состояние защищенности жизненно важных ценностей личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Соответственно, объектами же безопасности являются – личность, общество и государство [86, с. 31].

Авторы учебного пособия «Общая теория национальной безопасности» предполагают, что «...национальная безопасность подразумевает триединую составляющую, каждый компонент которой одинаково значим – безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства» и под ней непосредственно понимают – «защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающую устойчивое поступательное развитие страны» [60, с. 78].

По мнению С.В. Гунича, национальная безопасность – это состояние защищенности трех ключевых субъектов: личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое, как он отмечает «позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность страны» [19, с. 15–17].

Отечественный исследователь в сфере обеспечения национальной безопасности В.М. Редкоус в рамках проведенного им диссертационного исследования дает следующее определение рассматриваемому понятию «национальная безопасность – это защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, достигаемая применением системы мер политического, экономического, организационного, правового, военного, идеологического и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства, обеспечивающая их устойчивое прогрессивное развитие» [81, с. 46].

П.В. Шамаров, указывает на наличие двух подходов к определению понятийного содержания «национальной безопасности» [115, с. 16–24]. Согласно первому подходу (традиционному или либерально-

демократическому), приоритетное значение в системе национальной безопасности отводится безопасности человека, его правам и свободам, то есть – личность является основополагающим субъектом безопасности, соответственно интересы человека определяют совокупность базовых интересов общества и государства [8, с. 93–94]. Второй подход, основан на приоритете безопасности общества и государства, что в большей мере укладывается в отечественную правовую парадигму. Так, П.К. Гречко, характеризовал национальную безопасность как защиту целостности страны, независимое социальное, политическое и культурное самоопределение [17, с. 105–110].

Часть исследователей в качестве «базиса» национальной безопасности выделяют ряд факторов, то есть национальная безопасность – это совокупность как внешних, так и внутренних условий жизнеобеспечения человека, общества и государства в целом, которые обеспечивают благополучие людей, защищают ключевые интересы общества и государства, и его суверенитет [52, с. 27].

В.Е. Макаров, анализируя сущность и природу понятия «безопасность» понимает национальную безопасность как состояние функционирования общества, обеспечивающие благоприятные условия для развития человека, общества и государства [50, с. 73].

Возвращаясь к тексту ФЗ «О безопасности», можно резюмировать, что отсутствие в содержании указанного законодательного акта основных терминов и определений, являющихся базовыми для данной сферы, вызвало обоснованную научную критику [22, с. 237–240].

Неопределенность по данному вопросу была устранена на первом этапе – Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 (в ней было дано определение термину «национальная безопасность»), позднее Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015

г. № 683 (далее – Стратегия национальной безопасности от 2015 г.), и на самом позднем этапе действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 (далее – Стратегия национальной безопасности от 2021 г.).

Важно отметить, что 4 июля 2020 г. вступили в силу одобренные в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. изменения в Конституцию Российской Федерации. Внесены дополнения в отдельные разделы Основного закона в части, касающейся недопущения фальсификации истории и защиты территориальной целостности государства, что отражает первоочередность вопросов обеспечения безопасности Российского государства, общества и личности.

В пункте 5 Стратегия национальной безопасности от 2021 г. даются определения основным понятиям, таким как «национальная безопасность Российской Федерации», «национальные интересы Российской Федерации», «стратегические национальные приоритеты Российской Федерации», «обеспечение национальной безопасности», «угроза национальной безопасности», «система национальной безопасности». Таким образом, сохранив некоторую преемственность в отношении Стратегии национальной безопасности от 2015 г., Стратегия национальной безопасности от 2021 г. получила ряд важных нововведений, актуализировавших ее содержание в соответствии с поправками в Конституцию Российской Федерации от 2020 г.

Положение «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», определяющее национальную безопасность в Стратегии национальной безопасности от 2015 г., в Стратегии национальной безопасности от 2021 г. заменено на положение «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз». Таким образом, приоритетное, доминирующее значение закреплено за национальными интересами, которые в соответствии с подпунктом 2 пункта 5 Стратегии национальной безопасности от 2021 г.

определяются как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» [48, с. 60–67].

Положения Конституции Российской Федерации, закрепленные пунктом 2 статьи 80, которые устанавливают, что глава государства принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, и в соответствии с подпунктом 1 пункта 2 статьи 14 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», определяющим в качестве основных функций Совета Безопасности Российской Федерации «рассмотрение вопросов, касающихся национальных интересов <...> охраны суверенитета Российской Федерации», разработчики Стратегии национальной безопасности от 2021 г. привели в требуемое соответствие с положениями вышеуказанных нормативных правовых актов, в частности, определение понятия «национальная безопасность», включив в него такое направление его обеспечения, как охрана суверенитета Российской Федерации.

Таким образом, фиксируется некоторая научная неопределенность объема понятия «национальная безопасность» несмотря на то, что явлению дано определение в ключевом документе стратегического планирования.

Впервые о религиозной безопасности в рамках национальной безопасности российские законодатели заговорили в конце XX в. Яркий пример – Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 15 декабря 1996 г. № 918-П ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» [73], где по тексту документа требовалось «считать религиозную безопасность российского общества важным приоритетом национальной безопасности наряду с военной, политической, экономической, экологической и социальной». Основанием для подобного официального

заявления стала деструктивная деятельность некоторых религиозных организаций.

Предвосхищая результаты исследования в последующих параграфах, следует отметить, что несмотря на то, что религиозная безопасность прямо не выделена в нормативных правовых актах, документах стратегического планирования и ряде других официальных документов она (религиозная безопасность) является важным компонентом национальной безопасности, требующим обеспечения на всех уровнях.

Для авторского определения понятия «религиозная безопасность», представляется необходимым проанализировать основные подходы к определению и содержанию «религиозной безопасности» исследователями – юристами и экспертами в данной сфере.

Выделим наиболее существенные из них.

Прежде всего, следует выделить, диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук С.В. Козлова на тему «Юридические механизмы обеспечения национальной безопасности». В рамках данного исследования особенностей обеспечения национальной безопасности как политико-правового института, автор придает особое значение религиозной безопасности в общей системе национальной безопасности. Так, религиозная безопасность определяется С.В. Козловым как «состояние стабильного существования, воспроизводства и самобытного развития конфессиональных традиций всех народов России <...> объектом защиты в ходе обеспечения религиозной безопасности является конфессиональная идентичность, которая, как правило, базируется на устойчивых и воспроизводящихся системах морально-нравственных ценностных предпочтений» [38, с. 25].

Разработка концепций религиозной безопасности содержится в трудах: А.И. Казанника, Е.М. Шевкопляса, Е.С. Сусловой, Ю.В. Сластилиной и другие.

А.И. Казанник под религиозной безопасностью понимал «систему гарантий свободы совести и вероисповедания внутри страны, состояние

защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от религиозного экстремизма и духовной агрессии» [32, с. 27–35].

Однако предоставление прав свободы совести и вероисповедания скорее отдельный элемент обеспечения религиозной безопасности, нежели ее основа. Таким образом, дедуктивный подход при определении религиозной безопасности может сказаться на требуемой полноте определения.

Исследователь Е.М. Шевкопляс определяет религиозную безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от религиозного экстремизма, оккультизма и духовной агрессии» [117, с. 174]. Но в данном определении имеется важное упущение – перечень угроз религиозной безопасности раскрыт не в полном объеме.

Как отмечает Е.С. Сулова под религиозной безопасностью необходимо понимать «безопасность от угроз и защита общенациональных интересов в духовной сфере» [93, с. 5]. Остается не ясным, что автор вкладывает в понятие «общенациональные интересы» и «духовный».

В документе стратегического планирования, а именно подпункте 7 пункта 25 Стратегии национальной безопасности от 2021 г., используется категория «духовно-нравственные ценности» при определении национальных интересов Российской Федерации и направлений реализации стратегических национальных приоритетов. В этой связи, вполне уместен вопрос о соотношении понятий «духовный» (или духовно-нравственный) и «религиозный». Справедлива ремарка И.А. Тарасевича о целесообразности применения термина «религиозная безопасность», а не более емкого термина – «духовная безопасность» [94, с. 45–54]. Очевидна смысловая и содержательная близость рассматриваемых терминов, но не безоговорочное тождество.

Объем понятия «духовный» существенно шире «религиозного». Религиозная сфера (от латинского «religio» – предмет культа, набожность) в широком смысле есть совокупность мировоззренческих представлений и мироощущения, основанного на вере в высшие, сверхъестественные силы. Духовная сфера включает наряду с религиозным компонентом – ценностные, культурные, философские, информационные (в т.ч. информационно-психологические), идейные и другие элементы, которые могут автономно составлять предмет иных сфер обеспечения безопасности. Таким образом, использование термина «религиозная безопасность» позволят сузить область обеспечения безопасности до пределов, позволяющих идентифицировать специфичные субъекты религиозно-конфессиональных отношений.

Следует согласиться с И.А. Тарасевичем в том, что Е.С. Сусловой и Е.М. Шевкоплясу для точности указания области обеспечения безопасности в своих определениях целесообразней всего было бы использовать термин «религиозная безопасность» [94, с. 50].

По мнению Ю.В. Сластилиной под религиозной безопасностью следует понимать «состояние защищенности права на свободу вероисповедания от неправомерного воздействия со стороны иных лиц, религиозных объединений и государства» [90, с. 75]. Для других религиозная безопасность – это состояние защищенности различных способов реализации индивидом свободы совести и вероисповедания от деструктивного, либо неправомерного воздействия со стороны отдельных лиц, государственных институтов и каких-либо религиозных институций [52, с. 328].

Активно применяются понятие «государственно-конфессиональная безопасность», понимая под ним некое состояние защищенности интересов этнорелигиозных и этноконфессиональных групп, достигаемое ликвидацией деструктивного воздействия на устоявшуюся систему религиозно-правовых ценностей и противодействием «вторжения» в сферу становления духовной идентичности человека [4, с. 53].

Сформированная в обществе система религиозно-правовых ценностей коррелирует с принятыми традициями конфессионального и религиозного «добрососедства» и терпимости, на которые указывает С.В. Козлов, утрата которых чревата серьезными негативными последствиями. Однако по мнению И.А. Тарасевича [94, с. 51–52], сохранение религиозно-правовых ценностей – это часть прав человека на свободу совести и вероисповедания, соответственно Л.А. Андреева и С.В. Козлов, достаточно узко трактуют угрозы религиозной безопасности.

Представляется очевидной смысловая и логическая несостоятельность термина «государственно-конфессиональная безопасность».

Во-первых, весьма избыточно употребление слова «государственный» в данном контексте.

Во-вторых, термины «конфессия» и «религия» в специальной правовой и политологической литературе преподносятся как синонимы, что выглядит достаточно умозрительным подходом (согласно Большому толковому словарю русского языка под ред. С.А. Кузнецова, религия – одна из форм общественного сознания; совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения; конфессия – самостоятельное, независимое от других религиозное направление, течение, ответвление.).

Конфессия в гуманитарном дискурсе (религиоведческой, социологической, политологической, юридической сфере) понимается, как правило, в качестве ответвлений христианства, то есть – православия, католицизма, протестантизма и т.д. Хотя с точки зрения своего смыслового наполнения может использоваться для определения течений ислама (сунниты и шииты), так и иудаизма (ортодоксальный иудаизм, хасидизм и другое). Соответственно, наиболее точным является употребление «религиозной безопасности».

Как отмечает С.Д. Афанасьев в отечественном конституционном праве используется термин «государственно-конфессиональные отношения», т.к. позволяет максимально нейтрально охарактеризовать спектр, возникающих отношений между государством и религиозными объединениями [6, с. 23].

Однако этот термин сложно признать в качестве полно определяющего содержание отношений между государством и религиозными объединениями, поскольку открытым остается вопрос толкования базового понятия конфессия как «вероучения», «совокупности религиозных объединений одного вероучения» или нечто другого [116].

С другой стороны, как справедливо отмечает А.А. Камалова, категория «религия» многозначно и сложно [34, с. 20], так ни международное, ни отечественное, ни национальное законодательство зарубежных стран при установление различных правовых норм в части касающейся религиозной сферы не дают определения этому явлению, поскольку отсутствует единство в толковании «религии» в научно-академической среде [79, с. 56–59]. В настоящее время имеется выше 200 определений религии, в которых отражается как конфессиональная, так профессиональная и научная специфика [92, с. 10].

По мнению А.И. Суровцева, религия – ценностно-мировоззренческая форма постижения мира человеком и социумом, базирующуюся на вере в сверхъестественные силы, идеальное и разумное начало бытия; в то время как конфессия – организованная и систематизированная общность верующих одного вероисповедания [92, с. 10]. Если религия предстает перед обывателем скорее, как система взглядов и мировоззренческих ценностей, то конфессия имеет наиболее выраженное и фиксируемое институциональное качество, выражающиеся возможностью ее юридического оформления в виде конкретного религиозного объединения (религиозной организации или группы).

Таким образом, система отношений государства с религиозными объединениями может именоваться как «государственно-конфессиональные

отношения», «государственно-церковные отношения», «государственно-религиозные отношения», «отношения государства и религиозных объединений». Общепринятым с точки зрения религиозно-правовых ценностей и исторически сложившихся форм взаимодействия институтов государственной власти и религиозных объединений, является термин – «государственно-конфессиональные отношения». В системе отношений государства и религиозных объединений практическое значение приобретает вероисповедная политика [58, с. 10], которая носит правовой характер, поскольку в их основе правовые акты, регламентирующие стороны религиозной жизни общества.

А.И. Овчинников и М.Д. Фоминская под религиозной безопасностью понимают «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в религиозной сфере общественной жизни, обеспечиваемое государственной конфессиональной политикой и общественно-политической деятельностью традиционных конфессий» [61, с. 7–15].

Комплексное исследование религиозной безопасности как важнейшей сферы системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации было предпринято И.А. Тарасевичем в рамках докторской диссертации. В исследовании определены сущностные особенности религиозной безопасности, конституционно-правовые основы, представлена на суд современной российской правовой науки – конституционно-правовая доктрина российской религиозной безопасности. Наиболее простым и в тоже время подходящим представляется определение данное религиозной безопасности И.А. Тарасевичем – «состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, возникающих в религиозной сфере, необходимое для стабильного конституционного развития Российской Федерации» [94, с. 54].

На основе проанализированных подходов к определению религиозной безопасности следует заключить, что обеспечение религиозной безопасности

не может являться исключительной прерогативой государства, а должно включать всевозможные усилия религиозных институтов – представителей традиционных религий. Причиной тому является невозможность со стороны государства координировать вопросы религиозного просвещения, поддерживать религиозно-конфессиональные традиции, проводить религиозные мероприятия, поддерживать высокий моральный и культурный облик гражданина. Порой необоснованное или беспочвенное вмешательство, или попытка корректировки системы религиозных традиций может стимулировать возникновение острых угроз национальной безопасности, имеющих религиозный контекст.

Поэтому религиозную безопасность, порою следует рассматривать как состояние стабильности и защищенности религиозно-конфессиональных традиций россиян, образующих в единстве государственной-национальную общность – российскую нацию. Центральным объектом защиты становится религиозно-конфессиональная традиционность и исторически сложившаяся этнонациональная идентичность российского социума.

Религиозная сфера соприкасается со множеством других сфер общественных отношений, от состояния защищенности которых зависит национальная безопасность государства. Сферы национальной безопасности имеют тесную связь, соответственно в той или иной мере дополняют содержание друг друга, проявляясь в особых «оттенках» в действии друг друга. Таким образом, на наш взгляд, религиозную безопасность можно определить, как состояние защищенности человека, социума и общества от совокупности угроз, возникающих в религиозно-конфессиональной сфере.

Взаимосвязь религиозной безопасности с отдельными институтами безопасности, входящими в систему российской национальной безопасности, проявляется наиболее явно. Легко установить взаимообусловленность военной и религиозной безопасности, в условиях, когда в Вооруженные Силы Российской Федерации могут проникнуть представители деструктивных религиозных структур (сектантской или экстремисткой

направленности), используемые иностранными спецслужбами в целях нанесения существенного ущерба Российской Федерации. Очевидна связь и между информационно-психологической и религиозной безопасностями.

Безусловная связь усматривается и между общественной и религиозной безопасностью, где в наиболее явном разрезе это проявляется конфронтацией между Русской православной церковью и другими христианскими конфессиями; между христианами и неоязыческими верованиями; между представителями российских традиционных религий и нетрадиционных религиозных течений нового типа; и т.п. В развитии вышесказанного, религиозная безопасность, как явление, на наш взгляд, должно включать меры по деполитизации религиозных аспектов путем совершенствования нормативной правовой базы, регулирующей сферу государственно-конфессиональных отношений и поддержания терпимости в обществе.

Существенное значение при определении религиозной безопасности имеет установление ее потенциальных угроз. Анализ правовых источников, раскрывающих содержание вопросов безопасности, показывает, важность установления потенциальных угроз и их видов, которые закладываются в объем понятия «религиозной безопасности». Как правило, те или иные проблемы в системе обеспечения национальной безопасности государства являются результатом недооцененных или не спрогнозированных угроз.

Угрозы религиозной безопасности – совокупность факторов нарушения конституционных прав и свобод человека, территориальной цельности и суверенитета государства, ее конституционного строя. Таким образом, элементы российского конституционного строя могут оказаться под ударом в следствии деструктивных процессов в религиозной сфере (под религиозной сферой следует понимать совокупность общественных отношений при функционировании которых превалирует религиозный аспект. В данном случае, таковыми общественными отношениями являются те, что формируются под влиянием религиозных норм). Ровно в той же конструкции, как и угрозы национальной безопасности, приведенные в

тексте Стратегии национальной безопасности от 2021 г., угрозы религиозной безопасности могут быть подразделены на внутренние и внешние.

Наиболее точной представляется классификация угроз религиозной безопасности, разработанная И.А. Тарасевичем, выглядящая следующим образом: религиозный экстремизм; угроза утраты религиозных традиций народов России в следствие глобализационных и кросс-культурных процессов; преступления на религиозной почве; деструктивная деятельность нетрадиционных для российского общества и государства религиозных объединений, финансируемых из-за рубежа; не учет религиозных факторов при принятии государственно-управленческих решений; эндогенные угрозы человеку в религиозной сфере [94, с. 73–79].

Интенсивные процессы глобализации формируют совершенно новые вызовы и угрозы для человека, общества и государства, и в отношении этих угроз требуется меры профилактики или полной ликвидации. Внесение поправок в Основной закон Российской Федерации в 2020 г., принятие новой Стратегии национальной безопасности в 2021 г. указывают на внедрение и апробацию новых подходов к обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, в связи с интенсификацией глобальной политической архитектуры и попыткой перекраивания иностранными оппонентами «красных линий» зон влияния. В складывающихся условиях, важная роль отведена обеспечению религиозной безопасности в рамках национальной безопасности Российской Федерации, которая требует четкой правовой регламентации.

Нельзя не согласиться с И.А. Тарасевичем в том, что религиозная сфера образует факторы и условия, которые угрожают сохранности общественных отношений, а в сумме образуют предмет конституционного права России, а именно: основы конституционного строя Российской Федерации; основы правового статуса индивида и гражданина; основы федеративных отношений; основы функционирования органов государственной власти и местного самоуправления [94, с. 79].

Проиллюстрированные обстоятельства свидетельствуют о существенной взаимообусловленности предмета конституционного права и объекта религиозной безопасности. Важно отметить, что согласно части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации «свобода вероисповедания может быть ограничена федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». В том числе, подобная норма продублирована в статье 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Таким образом, государство предоставляет гарантии безопасности своим гражданам в религиозной сфере.

В данном параграфе были проанализированы подходы к определению ключевых понятий, таких как «безопасность», «национальная безопасность», «религиозная безопасность», рассмотрены основные элементы религиозных институтов в Российской Федерации, в том числе связь с иными институтами национальной безопасности. На основе проведенного анализа в текущем параграфе установлено, что религиозная безопасность является приоритетным направлением обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. основополагающая дефиниция текущего исследования «религиозная безопасность» является междисциплинарным концептом и должным образом не отрефлексирована ни в юриспруденции, ни в политологии, ни в теории безопасности.

Вполне закономерно, что отсутствует ее определение и в нормативных правовых актах. В методологическом плане данная категория в зависимости от специализации изучающего ее ученого рассматривается либо как частный случай общественной безопасности, либо как специфическая форма духовной безопасности. Исходя из этого, представляется целесообразным в следующем разделе нашего исследования проанализировать современное состояние правового регулирования или систему правовых источников обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации.

Глава 2 Конституционно-правовая основа религиозной безопасности Российской Федерации

2.1 Система правовых источников обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации и ее основные элементы

Систему источников конституционно-правового регулирования религиозной безопасности в Российской Федерации целесообразно распределить на два универсальных блока: международно-правовые акты и национальное (отечественное) законодательство. Международно-правовые нормы в части, касающейся обеспечения безопасности отражены в следующих документах:

- Устав ООН, международные договора, общепринятые конвенции, соглашения и другие;
- международно-правовые акты регионального значения, действие которых распространяется на страны Европы (например – Заключительный акт ОБСЕ от 1975 г. и другие официальные документы, принятые под эгидой данной организации);
- международно-правовые акты субрегионального значения, действия которых распространяются на страны в рамках региональных объединений или блоков (например – официальные документы стран-участниц СНГ);
- договора и соглашения, подписанные государствами в двухстороннем или многостороннем порядке;
- решения *ad hoc* (например – решения ЕСПЧ и других международных органов);
- международные обычаи.

Надо отметить, что в соответствии с пунктом 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации «принципы и нормы международного права, и международные договоры Российской Федерации являются составной

частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Вместе с тем, от 4 июля 2020 г. статья 125 Основного закона Российской Федерации дополнена пунктом 5.1, подпункт «б» которого закрепляет возможность предварительного конституционного контроля в отношении решения межгосударственного органа, принятому в истолкование международного договора Российской Федерации.

Одним из основополагающих международно-правовых актов, который декларирует ориентиры на необходимость соблюдения основополагающих прав и свобод людей, в частности свободу совести и религии – является Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. Так, статья 18 указанного документа гласит: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков».

Аналогичные нормы в идентичной конструкции содержатся в статье 9 Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенная 4 ноября 1950 г. в г. Риме и ратифицированная Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54–ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», а учрежденный Европейский Суд по правам человека принимает решения, обеспечивающие соблюдение положений Конвенции. Стандарты влияют на совершенствование конституционно-правовых систем, поддерживая жизнеспособность и функциональность Конвенции в странах-участников Совета Европы.

Текущая военно-политическая обстановка и выход Российской Федерации из состава Совета Европы со всеми вытекающими международно-

юридическими последствиями в части исполнения норм Конвенция о защите прав человека и основных свобод требует отдельного комплексного научно-экспертного анализа.

К ряду международно-правовых документов, регулирующих вопросы религиозной сферы (свободы совести и вероисповедания), следует отнести:

- Международные пакты о гражданских и политических правах (статья 18) и об экономических, социальных и культурных правах (подпункт 3 пункта 2 статьи 13), принятые 16 декабря 1966 г. в г. Нью-Йорк и ратифицированные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII;
- Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. № 36/55 «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений»;
- Женевская Конвенция об обращении с военнопленными (глава V, статьи 34–38), заключенная 12 августа 1949 г. в г. Женева и ратифицированная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1954 г. «О ратификации Женевских конвенций от 12 августа 1949 года «О защите жертв войны»;
- Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт (раздел VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений), принятый 1 августа 1975 г. в г. Хельсинки;
- Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (раздел «Принципы»), подписанный 6 сентября 1983 г. в г. Мадрид;
- Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (в основе – пункт 9.4), подписанный 29 июня 1990 г. в г. Копенгаген;

- Парижская хартия для новой Европы (раздел «Права человека, демократия и верховенство закона»), принятая 21 ноября 1990 г. в г. Париже;
- Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятая 18 декабря 1992 г.;
- Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (статья 10), принятая 26 мая 1995 г. в г. Минск и ратифицированная Федеральным законом от 4 ноября 1995 г. № 163–ФЗ «О ратификации Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека».

В представленных выше международно-правовых актах в той или иной степени разработаны вопросы обеспечения и соблюдения прав человека на свободу совести и вероисповедания, в том числе их правовое и морально-этическое измерение, декларируется недопустимость дискриминации человека на основе расовой, языковой, культурной, этнической, религиозной принадлежности.

Международно-правовые акты содержат необходимый перечень прав, свобод и обязанностей, к которым могут апеллировать все без исключения религиозные объединения и их представители в тех государствах, которые подписали и ратифицировали соответствующие документы. Международно-правовые акты устанавливают гарантии защиты от деструктивной деятельности религиозных объединений и проявлений религиозного экстремизма, практически в той же мере, в какой это оговорено действующим законодательством Российской Федерации.

Часть угроз религиозной безопасности остается за пределами международно-правовой регламентации, поскольку носят опосредованный характер. Вместе с тем к международно-правовым актам, регламентирующим религиозную безопасность, следует отнести документы, гарантирующие

права на жизнь, здоровье, частную собственность – как ценностей общества, попадающих в фокус угроз религиозной безопасности.

Анализ положений международно-правовых актов показывает, что за редким исключением в указанных документах, учитывается религиозная специфика как таковая, так и в принципе не содержится в принципе определения «религиозной безопасности» как отдельного правового института [94, с. 111–112].

Отечественная система правовых источников обеспечения религиозной безопасности в Российской Федерации и ее основные элементы состоит из:

- Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
- Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»;
- Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в ред. от 11 июня 2021 г.);
- Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. от 9 ноября 2020 г.);
- Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2021 г.);
- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности» (в ред. от 1 июля 2021 г.);
- Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 2 июля 2021 г.);
- Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. 26 мая 2021 г.);

- Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327–ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (в ред. от 1 июля 2021 г.);
- Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»;
- Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»;
- Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»;
- Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (в ред. от 25 ноября 2019 г.);
- Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»;
- Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 20 ноября 2013 г.;
- Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе»;
- и другие документы.

Поскольку в предыдущих параграфах была установлена тесная связь религиозной безопасности с иными видами безопасности, приведенный выше ряд документов оправдано рассматривать в качестве правовых источников религиозной безопасности.

Основной закон Российской Федерации является фундаментальным источником конституционно-правовых норм, важную часть которых составляют аспекты безопасности, роль и значение безопасности в обществе, функционировании государственной власти, использовании инструментов обеспечения безопасности в условиях мирного времени и военного положения. Согласно пункту «м» статьи 71 Конституции Российской Федерации к ведению государства отнесены оборона и безопасность.

В документе сформулированы основополагающие конституционные принципы и нормы, декларирующие незыблемость прав на свободу совести и вероисповедания, а также регулирующие функционирование религиозных объединений. В частности, к ним следует отнести такие важные положения как: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (пункт 1 статьи 14), «Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (пункт 2 статьи 14), «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от <...> отношения к религии» (пункт 2 статьи 19), «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (статья 28).

Существенное значение приобретает норма, введенная поправками от 4 июля 2020 г., которая гласит «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...» (статья 67.1). По мнению известного правоведа С.А. Авакьяна это положение не меняет светскости России, а установленные Конституцией Российской Федерацией религиозные свободы и права личности остаются в прежнем действии [42].

Как отмечает И.А. Тарасевич нормы, касающиеся религиозной сферы оговорены не только теми положениями, где имеется прямое указание на религиозный аспект, но и другими нормами Основного закона Российской Федерации [94, с. 114]. Так, С.А. Авакьян подчеркивал, что согласно части 2 статьи 17 Основного закона, провозглашаемые неотчуждаемые права и свободы, принадлежащие человеку от рождения, относятся и к религиозным правам и свободам. Также права и свободы человека, в соответствии со статьей 18 рассматриваемого документа являются действующими непосредственно и в условиях, когда они определяют смысл, содержание и применение законов, нормы права и деятельность органов власти должны учитывать интересы религиозных объединений и их представителей. В том числе, нормы, изложенные в статье 22 Конституции Российской Федерации (имеется ввиду – право на свободу и неприкосновенность) указывают и на недопустимость задержания в связи с исповедованием какой-либо религии, при условии, что субъектом не нарушается действующее законодательство [2, с. 7].

В конституционно-правовом смысле для человека первостепенное значение приобретает право на свободу вероисповедания в силу того, что под ним следует подразумевать некую юридическую категорию, в которую включены такие права человека, как:

- во-первых, возможность сделать выбор в пользу той или иной религии или конфессии, исповедовать и отправлять ее культам, принимать или отказываться от религиозных убеждений;
- во-вторых, в соответствии с конституционно-правовыми положениями человек наделяется правом не только исповедовать или не исповедовать, но и распространять религиозные убеждения, вести миссионерскую деятельность в рамках действующего законодательства.

Угрозы религиозной безопасности затрагивают как права на свободу вероисповедания, так и иные нормы Основного закона Российской

Федерации, гарантирующие человеку защиту от различных видов угроз, развивающихся в религиозно-конфессиональной среде. Так, согласно тексту пункта 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации каждый человек без исключения имеет право на жизнь, это неотчуждаемое право может быть нарушено в результате действий религиозных сообществ деструктивной направленности; могут находиться под угрозой конституционные права на тайну переписки, переговоров, сообщений, установленных частью 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации; религиозные сообщества деструктивной или экстремистской направленности могут посягать на свободу слова и мысли (часть 1 статьи 29), а также на право частной собственности (часть 1 статьи 35).

Нельзя не отметить, что способом эффективной профилактики или ликвидации подобного рода угроз является их прогнозирование и выявление, что практически недостижимо без высококвалифицированных специалистов, качественного просвещения и образования. Таким образом, усматривается непосредственная связь между обеспечением религиозной безопасности и правом на получение качественного образования (пункт 1 статьи 43 Конституции Российской Федерации). Высокий уровень образования позволяет возвращать не только узконаправленных специалистов, но и развивать правосознание и религиозно-правовые ценности среди населения, требуемые для своевременного распознавания деструкции с выраженной религиозной подоплекой.

Различные нормативные правовые акты, документы стратегического планирования, иные официальные документы принимаются в развитии положений Конституции Российской Федерации. Так, система обеспечения безопасности государства детализирована нормами, изложенными в законах. Эти законы определяют способы функционирования, структуру, функции, порядок и другие вопросы, связанные с обеспечением безопасности.

Законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и

функционирования публичной власти» 4 июля 2020 года вступили в силу, одобренные общероссийским голосованием поправки в Конституцию Российской Федерации, внесены изменения, в том числе, о недопущении фальсификации истории и защите территориальной целостности государства. В основе религиозной безопасности заложены ценности российского общества, требующие защиты.

Примечательно, что нормы части 2 статьи 67.1 носят аполитичный, надпартийный и внерелигиозный характер, никоим образом не могут истолковываться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную систему взглядов, корректирующие установленные принципы плюрализма и светскости Российской Федерации [92]. Упоминание высших сил – Бога в положениях Основного закона является распространенной правовой практикой в национальных законодательствах, характерная для светских стран, не дающих той или иной религии определяющий государственный статус. Такие положения придают религиям и конфессиям роль серьезного социального института в жизни социума и индивида.

Одним из смыслообразующих нормативных правовых актов в части касающейся безопасности – является Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390–ФЗ «О безопасности» (в ред. от 9 ноября 2020 г.) (далее – ФЗ «О безопасности»). Основные цели ФЗ «О безопасности» – создание системы государственных органов национальной безопасности и сферы их компетенции и деятельности; регламентация субординации между ними, а также их координация и взаимодействие. Данный закон закрепил политико-правовые основы обеспечения безопасности граждан, общества и государства [95, с. 23–31].

Отдельного внимания заслуживают положения пункта 1 статьи 2 ФЗ «О безопасности», устанавливающего основные принципы обеспечения безопасности, первой группой являются – «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина». Первая группа прав свидетельствует о том, что государство закрепляет за человеком определенную сферу отношений,

которая отдана на усмотрение личности и не может никоим образом выступать в качестве объекта притязания со стороны государства. Как отмечает С.Ю. Чапчиков «в эту группу, которая составляет так называемый отрицательный правовой статус, входят права личной свободы, а также права общественной свободы, включая свободу мысли, совести и религии, свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, свободу ассоциаций....» [113].

ФЗ «О безопасности» вопросы обеспечения безопасности приведены в соответствие с Основным законом Российской Федерации; национальная безопасность обеспечивается перманентным исполнением установленных обязанностей в сфере безопасности органами власти, а также юридическими лицами независимо от ведомственной принадлежности и форм собственности. Релевантная задача принятия в новой редакции нормативного правового документа по вопросам безопасности было формулирование такой государственной цели, которая способствовала легализации в правовом поле, понятий: национальная безопасность, национальные ценности, угрозы, вызовы, риски, система национальной безопасности, система обеспечения национальной безопасности [18, с. 67–71].

Одним из центральных нормативных правовых актов, без положений которого не представляется возможным урегулировать спектр отношений, возникающих в религиозной сфере – является, не раз уже нами упомянутый, ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В этом законе сформулированы правила общеобязательного характера, касающиеся субъектов правоотношений в религиозно-конфессиональной среде.

ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» раскрываются основные принципы отделения религиозных объединений от государства и регламентируются взаимные обязанности и ограничения [92, с. 54], в том числе меры по недопущению необоснованных ограничений в сфере прав и свобод верующих. Право человека на свободу совести и вероисповедания может быть ограничено лишь нормами законодательства в зависимости от:

требований защиты основ конституционного строя государства; поддержания прав и законных интересов личности и общества; обеспечения безопасности и обороны государства.

Равенство перед законом переносится и на религиозную сферу, так независимо от того, какое отношение к религии у того или иного человека или его принадлежность к какой-либо религии или конфессии не умаляет его правовой паритет с другими субъектами правоотношений. Недопустимо установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения человека к религии.

ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» заменил Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267–1 «О свободе вероисповеданий», скорректировав общественные отношения в религиозно-конфессиональной сфере в соответствии с принципами Конституции Российской Федерации. Несмотря на то, что некоторые положения были рассмотрены в рамках первой главы текущего исследования, представляется важным рассмотреть нормы данного законодательного акта, коррелирующие с религиозной безопасностью. Исходя из данного пунктом 1 статьи 6 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» определения религиозного объединения, проанализируем его основные признаки, такие как: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей.

Отсутствию одного из признаков, указывает на невозможность применения в отношении того или иного объединения людей религиозной привязки. В соответствии с положениями части 2 статьи 5 и статьи 7 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» определены несколько форм религиозных объединений, подробно в таблице 1.

Таблица 1 – Структура религиозных объединений

Религиозные группы	Религиозные объединения
добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица	добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры
Не является юридическим лицом	Является юридическим лицом

Простота легализации религиозных групп предоставляет основание предположить, что в настоящее время количество религиозных групп может численно превалировать над количеством зарегистрированных религиозных организаций.

Действующее законодательство (часть 2 статьи 8 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») дифференцирует религиозные организации на основании их экстерриториальности и численного состава, а именно на – местные и централизованные.

Под местной понимаются организация численностью не менее десяти совершеннолетних и постоянно проживающих на одной территории (городское или сельское поселение) граждан.

Под централизованной понимается организация, состоящая из не менее трех местных религиозных организаций. Но нормы ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» не предполагают обязательного подчинения местной религиозной организации – централизованной, а лишь указывают на условие организации и функционирования централизованной религиозной организации. Не для всех религиозных объединений свойственно наличие иерархической структуры и системы отношений «управление – подчинение».

Отношения внутри централизованных организаций регламентируются уставами этих организаций. Так, например Русская православная церковь Московского патриархата как централизованная религиозная организация в

соответствии со своим Уставом [102] разделена на исторически и административно-территориально обусловленные – епархии (примечание – могут соответствовать границам субъектов Российской Федерации).

В соответствии с нормами статьи 13 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» урегулирована деятельность иностранных религиозных организаций, зарегистрированных за пределами Российской Федерации. Иностранная религиозная организация не может заниматься ни культовой, ни иной религиозной деятельностью, от ее имени не может вестись миссионерская деятельность и она не обладает статусом религиозного объединения (пункт 2 статья 13).

ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» не перечислены формы учреждений и организаций, которые создаются централизованной религиозной организацией, поскольку нормы рассматриваемого Закона предусматривают эту процедуру при разработке устава. В настоящее время, к таким организациям относятся – монастыри, подворья, миссионерские общества и т.д.

Наиболее существенное значение для настоящего исследования имеют положения ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», которые устанавливают формы государственного надзора по обеспечению законности деятельности религиозных объединений и их представителей. Так, часть 1 статьи 25 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» гласит: «Надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации».

Надзор осуществляется не только со стороны органов прокуратуры, но и может быть инициирован вид надзорной деятельности, заключающийся в проверки соответствия действующему законодательству, этот функционал закреплен за Конституционным Судом Российской Федерации, который в пределах установленных полномочий неоднократно рассматривал конституционность отдельных норм ФЗ «О свободе совести и о религиозных

объединениях». Другой вид надзора – судебный, заключающийся в проверке законности и обоснованности официально принятых определений и постановлений, решений и приговоров судебных органов различного инстанций. Контроль за соблюдением положений действующего устава религиозной организации в соответствии с частью 2 статьи 25 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» находится в компетенции органа, зарегистрировавшего его.

Статьей 26 рассматриваемого законодательного акта за нарушение установленных норм, предусмотрена уголовная, административная и другие виды ответственности. Нарушение положений ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в части ведения некоммерческой деятельности (в том числе – благотворительной) влечет наступление гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности.

Так, подпункт 10 пункта 3 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) [15] устанавливает, что юридические лица в виде некоммерческих организаций, могут быть созданы в форме религиозных объединений, на которые распространяются соответствующие правоспособности. Но действующим российским законодательством предусмотрена и ответственность самих религиозных организаций. Так, статья 14 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает правовые механизмы приостановки деятельности религиозного объединения или его ликвидации, или запрет при нарушении законов Российской Федерации.

Как отмечает И.А. Тарасевич российская правоприменительная практика свидетельствует о том, что ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» не лишен недостатков [94, с. 121–131]. В недостаточной мере регламентирована деятельность отдельных субъектов правоотношений – религиозных групп и представителей иностранных религиозных организаций, находящихся на российской территории для ведения профессиональной религиозной деятельности.

Часть 2 статьи 20 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» наделяет религиозные организации исключительным правом приглашать иностранных граждан в целях занятия профессиональной, в том числе миссионерской деятельностью. Это положение содержит некоторые угрозы религиозной безопасности, поскольку создает условие нахождения в структуре российских религиозных организаций деструктивных иностранных субъектов. Действующее законодательство в соответствии с международно-правовыми актами предоставляет возможность религиозным группам действовать не регистрируясь, в том числе вести религиозное обучение и воспитание последователей (пункты 2–3 статьи 7 настоящего документа) при условии, если их цели не противоречат действующему законодательству.

Действующий порядок функционирования религиозных групп не дает возможности полноценно контролировать их деятельность со стороны органов государственной власти, а также своевременно устанавливать нарушения положений Основного закона Российской Федерации, ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и иных нормативных правовых актов.

Вместе с тем, в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» отсутствуют точечные нормы профилактики религиозных объединений деструктивной направленности, например – проведение обязательной религиоведческой экспертизы при государственной регистрации новых религиозных объединений (религиозных организаций).

О степени реализации положений Конституции Российской Федерации и принятых в развитие нее – норм ФЗ «О свободе совести и вероисповедания», связанных с обеспечением религиозной безопасности на территории Российской Федерации (в данном случае, имеется в виду – право на свободу совести и вероисповедания со всеми вытекающими юридическими последствиями), с высокой долей вероятности, может указывать количество легализованных религиозных объединений,

являющихся результатом добровольного объединения граждан в целях совместного вероисповедания, отправления культа и распространения религиозных убеждений [36, с. 10–14].

Согласно сведениям Информационного портала Министерства юстиции Российской Федерации число зарегистрированных религиозных объединений достигает – 31977 [29], исключенных (ликвидированных) – 6923 [29]. В данном случае, динамика регистрации религиозных объединений продемонстрирована на рисунке 2.

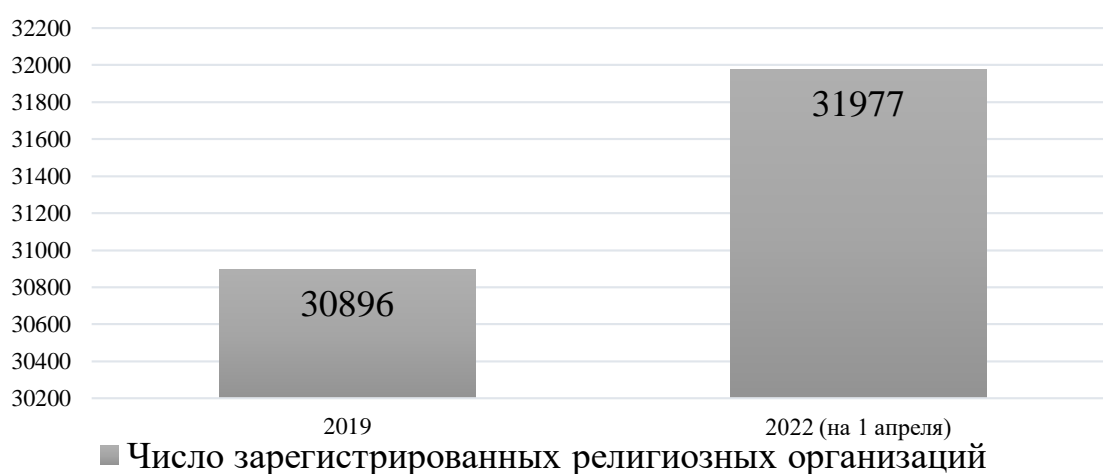

Рисунок 2 – Динамика регистрации религиозных организаций

Вместе с тем, как упоминалось ранее, вмешательство государства в деятельность религиозных групп ничтожно мало, поскольку они, не являясь юридическим лицом, практически выведены из фокуса органов государственной власти, в том числе надзорных органов. Отчасти, именно в рамках функционирующих религиозных групп наиболее высокий потенциал развития религиозного экстремизма в формате «спящих ячеек».

Важное значение в качестве правового источника религиозной безопасности имеют отдельные нормы – Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2021 г.) (далее –ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Согласно статье 87 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», регулируется порядок освоения основ духовно-нравственной культуры в системе общего образования, порядок реализации образовательных программ по направлению подготовки «теология». Общее правило заключается в том, что изучение основ духовно-нравственной культуры российских народов может осуществляться в порядке и объеме, который регламентирован ФГОС, так и помимо него.

Как следует из содержания рассматриваемой статьи, образовательные организации имеют право привлекать в качестве экспертов соответствующие централизованные религиозные организации, которые:

- во-первых, делегируют педагогических работников для преподавания дисциплин в области теологии;
- во-вторых, привлекаются к учебно-методическому обеспечению специальных теологических дисциплин, направленных на формирование представлений об основах духовно-нравственной культуры российских народов, о морально-нравственных принципах и особенностях мировых религий;
- в-третьих, направляют представления частным образовательным организациям на включение в содержание основных образовательных программ дисциплин, обеспечивающих религиозное образование и пр.

Статья ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» регулирует образовательный процесс в духовно-образовательных организациях, их цель – подготовка служителей и работников религиозных организаций.

О степени реализации норм, установленных ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» по части касающейся обеспечения религиозной безопасности, а в большей мере – профилактики религиозной нетерпимости, недвусмысленно, указывает издание Приказа Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального

общего образования». Он регламентирует порядок изучения в российских школах основ традиционных религий, особенностям межрелигиозного и межконфессионального согласия, в целях, среди прочего, овладения духовными ценностями и культурной российской нации. Образовательная и просветительская деятельность в религиозной сфере усиливает возможности противодействия религиозному экстремизму, в том числе укрепляет возможности обеспечения религиозной безопасности.

Во многом противодействие экстремизму коррелирует с обеспечением религиозной безопасности. Среди современных проявлений экстремизма на первое место по степени опасности выходит экстремизм на почве радикальных религиозных течений. В этом контексте особую важность в системе источников религиозной безопасности представляет Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности» (в ред. от 1 июля 2021 г.) (далее – ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности»).

Как отмечает А.В. Сигарев религиозный экстремизм рассматривается как разновидность экстремизма, наряду с политическими, национальными, идеологическими и другими видами [88, с. 46–51]. Согласно норме статьи 1 ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности» к проявлениям экстремизма среди прочего относится и возбуждение ненависти по религиозному основанию, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека на основе его религиозной идентификации.

Согласно тексту статьи 3 названного Закона основные направления противодействия экстремисткой деятельности в части касающейся – это «выявление, предупреждение и пресечение экстремисткой деятельности общественных и религиозных объединений...». Важно отметить, что в 2015 г. приняты поправки в ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности», по одному из которых Библия, Коран и несколько других фундаментальных книг, выдержки из их текста, как и в целом их содержание не могут быть отнесены к экстремистским материалам.

Экстремистская деятельность, ее признаки непосредственно, обладают некоторой содержательной неопределенностью, поскольку неоднократно подвергались корректировке со стороны законодателя. В настоящий момент их число составляет тринадцать и все они носят дисперсный характер. Все признаки связаны, лежащими в их основе побуждениями к насилию, ненависти, вражде, неприятию в том числе по религиозным основаниям.

Статья 7 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» разъясняет порядок вынесения предупреждения религиозному объединению. Вместе с тем, предупреждение необходимо отличать от предостережения.

Предупреждение выносится Генеральным прокурором Российской Федерации или замещающим его лицом. Если субъектом нарушения является религиозная организация, то предупреждение может быть вынесено в том числе – Минюстом России или его территориальным органом.

ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» установлены организационно-правовые механизмы противодействия экстремистской деятельности, устанавливается ответственность за ее осуществление.

Сложность и многоаспектность проявлений религиозного экстремизма, обусловлена, в частности, такими общеизвестными явлениями и процессами как: социально-экономическая и политические обстановка, правовая конъюнктура, культурные, идеологические, религиозные, нравственные, психологические аспекты жизнедеятельности общества. В экстремизме содержатся не только неправовые формы и методы достижения выдвигаемых целей в условиях конфронтации; религиозный экстремизм способен выражать и реакцию некоторых слоев населения на происходящие в обществе и государстве процессы. Как отмечают Г.И. Демин и Д.Р. Бадаева протестный компонент приобретает мотивационный характер побуждения к экстремистским действиям [23, с. 8–14]. Экстремизм, будучи неправовым средством достижения целей и разрешения конфликтов, подает сигналы государству и обществу об имеющихся проблемах в той или иной сфере общественной жизни, в том числе – религиозно-конфессиональной среде.

О характере реализации норм ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности», связанных с обеспечением религиозной безопасности свидетельствует правоприменительная практика. Так, например, статьей 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за производство и распространение экстремистских материалов, в том числе религиозной тематики. Статьей 5.62 предусмотрена ответственность за дискриминацию, а именно нарушение прав граждан в зависимости от пола, расы, национальности, религиозной принадлежности. Статья 20.3.1 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» была введена в действие Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 521–ФЗ из-за частичной декриминализации пункта 1 статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает ответственность за деятельность, направленную на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе и т.д. В целом существенное значение для обеспечения религиозной безопасности имеет статья 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, вбирающая в себя широкий диапазон наказуемых деяний религиозно-экстремисткой направленности, как, впрочем, и другие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность в отношении религиозных организаций деструктивной направленности.

По решениям судебных инстанций различного уровня в Российской Федерации ликвидированы или запрещены в общей сложности – 90 общественных объединений и религиозных организаций [66], а экстремистскими признаны – 5277 материалов [118]. Эти цифры свидетельствуют об активной реализации положений законодательства, регулирующего вопросы религиозной безопасности.

Другим важным документом, входящим в состав правовых источников религиозной безопасности, является – Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7–ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 2 июля 2021 г.) (далее – ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Данный законодательный акт определяет правовое положение, порядок создания, функционирования, реорганизации и ликвидации некоммерческих организаций, а также иные организационно-хозяйственные вопросы. ФЗ «О некоммерческих организациях» распространяется на все некоммерческие организации (исключение – потребительские кооперативы), созданным или создаваемым на территории Российской Федерации.

Как следует из положений статьи 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» некоммерческими являются те организации в чьих интересах нет извлечение прибыли как основной цели их деятельности. Вместе с тем, некоммерческие организации – общественные и религиозные организации, финансируются собственниками учреждения, благотворительными и иными фондами. В рамках настоящего Закона дается определение общественным и религиозным организациям, которое гласит что – это объединения граждан, организованное на законных основаниях и на базе общности их интересов для удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей.

Как очевидно, определение религиозных организаций сформулировано в нескольких нормативных правовых актах, а именно в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и ФЗ «О некоммерческих организациях». Важно заметить в след за Е.Н. Рахмановой и М.В. Щегловой то, что в данном случае следует руководствоваться общим принципом права «*lex specialis derogat generali*» («закон специальный вытесняет закон общий»), который позволяет, не смотря на равную силу законодательных актов, опираться прежде всего на понятие религиозных организаций, изложенное в положениях ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [80, с. 253–257].

ФЗ «О некоммерческих организациях» содержит важные положения о том, что религиозная организация может осуществлять один или более видов деятельности, которые не противоречат действующему законодательству и соответствуют целям деятельности организации, предусмотренным в ее уставе; оговариваются ее имущественные источники.

Не менее существенное значение как правовой источник обеспечения религиозной безопасности имеет – Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35–ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. 26 мая 2021 г.) (далее – ФЗ «О противодействии терроризму»). Положения ФЗ «О противодействии терроризму» конкретизируют правовые основы деятельности по борьбе с терроризмом, в том числе закрепляют фундаментальные направления деятельности по предотвращению террористических актов и способов противодействия терроризму.

Основными принципами борьбы с терроризмом в соответствии со статьей 2 рассматриваемого документа и коррелирующие в полной мере с вопросами обеспечения религиозной безопасности, являются: защита прав и свобод человека; законность; приоритет защиты прав лиц, подверженных террористической акции; неотвратимость наказания за совершение террористических актов; использование всевозможного комплекса мер для противодействия проявлениям терроризма; взаимодействие государства, общества и граждан в противодействие террористической деятельности; приоритет мер предупреждения терроризма и другое.

ФЗ «О противодействии терроризму» распределены полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере противодействия и борьбы с терроризмом. Ключевым субъектом проведения мероприятий по пресечению террористической деятельности установлена ФСБ России. Таким образом, сложно переоценить роль правовых норм в ходе организации борьбы с проявлениями терроризма, в особенности имеющего религиозные основания. В этом смысле, очевидно значение норм установленных ФЗ «О противодействии терроризму», которые существенно укрепляют и

дополняют конституционно-правовые основы обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации. Они активно реализуются практически на всех уровнях в форме профилактических, ограничительных, охранительных и даже воспитательных мер, начиная от образовательных учреждений, заканчивая военными или силовыми структурами. Следует обратить внимание на такой результат правоприменительной (судебной) практики как – Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, согласно которому по состоянию на 6 апреля 2022 г. 38 организаций признаны в России террористическими, большинство из которых – религиозные [26].

Нельзя обойти стороной Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (в ред. от 1 июля 2021 г.). Данный законодательный акт регулирует порядок передачи религиозным организациям государственного и муниципального имущества религиозного назначения. Так, в соответствии с положениями этого Закона оно может передаваться в собственность или в пользование на безвозмездной основе. Документом определено, что относиться к имуществу религиозного назначения. В частности, установлено, что объекты культурного наследия федерального значения передаются в собственность исключительно централизованным религиозным организациям.

Важным подтверждением значимости обеспечения религиозной безопасности в Российской Федерации являются положения Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Следует проиллюстрировать положения Стратегии национальной безопасности от 2021 г. применительно к предмету настоящего исследования.

Стратегией определены девять стратегических национальных приоритетов как важнейших направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в число которых входят: сбережение русского народа, развитие человеческого потенциала; защита конституционного строя и оборона страны; поддержание мира, согласия, правопорядка, законности; информационная безопасность; поддержание устойчивого развития экономики; стимулирование научно-технологического процесса; охрана окружающей среды и рациональное природопользование; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторического наследия россиян; поддержание мировой стратегической стабильности и безопасности.

Вопросы внутригосударственной и общественной безопасности стоят на третьей иерархической позиции, в то время как защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей на восьмой.

Однако пунктом 21 установлено, что «жизненно важное значение для нашей страны приобретают <...> защита традиционных духовно-нравственных ценностей русского общества». При сравнительном анализе положений Стратегии национальной безопасности от 2021 г. с прежними Стратегиями национальной безопасности видно, что в ранних редакциях документов среди стратегических национальных приоритетов отсутствовали положения о защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей. К существенным угрожающим факторам, способствующим совершению противоправных деяний по религиозным основаниям, в той или иной мере относится рост радикальных экстремистских настроений, утрата традиционных для россиян духовно-нравственных ценностей, прирост межконфессиональных противоречий.

Согласно подпункту 3 пункта 5 Стратегии национальной безопасности от 2021 г. установлено, что стратегические национальные приоритеты Российской Федерации – есть важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации.

Вместе с тем, ни положениями пункта 25 Стратегии национальной безопасности от 2021 г., декларирующего российские национальные интересы на современном этапе, ни положениями пункта 26 указанного документа, раскрывающего ряд стратегических национальных приоритетов, отсутствуют прямые упоминания религиозной безопасности и религиозной сферы как таковой.

В рамках Стратегии национальной безопасности, религиозные вопросы находят свое отражение в рамках раздела «государственная и общественная безопасность» соответствующего названию стратегического национального приоритета, раскрывающего его смысловое и содержательное наполнение.

Так, подпункт 17 пункта 47 Стратегии национальной безопасности от 2021 г. устанавливает, что государственная и общественная безопасность достигается путем реализации государственной политики, направленной ко всему прочему и на решение задачи по «предупреждению и нейтрализации... межконфессиональных... конфликтов <...> предупреждению распространения религиозного радикализма, деструктивных религиозных течений, формирования... религиозных анклавов...».

В том числе, обеспечение защиты российских традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, имеющих непосредственное отношение к обеспечению религиозной безопасности реализуется путем решения задачи, установленной подпунктом 10 пункта 93 Стратегии национальной безопасности от 2021 г.: «поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, гармонизацию российского общества, распространение культуры межконфессионального диалога, противодействие экстремизму...».

Несомненно, что новая Стратегия является базисом, который позволит разработать комплекс мер, обеспечивающих достижение национальных целей в Российской Федерации. Для ее реализации необходимо прежде всего

разработка организационных мер, применяемых органами публичной власти и институтами гражданского общества как основных субъектов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, и заключающихся в создании оптимальных условий для оказания эффективного воздействия на состояние оперативной обстановки по противодействию преступлениям, совершаемым на религиозной почве.

Стоит заметить, подобно тому, как это было в прежней Стратегии национальной безопасности в нынешней отсутствуют четкие механизмы ее реализации, если не считать ежегодных отчетов секретаря Совета Безопасности Российской Федерации. Вместе с тем, внутренняя логика Стратегии национальной безопасности 2021 г. подразумевает разработку на ее основе отраслевых стратегических и доктринальных документов, по образцу – Доктрины информационной безопасности, Концепции общественной безопасности, Военной доктрины и т.д. Представляется важным и необходимым проанализировать содержание нескольких документов, составляющих систему правовых источников религиозной безопасности.

Во-первых, Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Данный документ принят в развитие положений Основного закона Российской Федерации и ФЗ «О противодействии экстремизму». В нем установлены цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму до 2025 г.

К опасностям, в части касающейся религиозной сферы, отнесены: возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства человека или группы лиц по признакам отношения к религии; вовлечение в деятельность религиозных экстремистских организаций; организация и проведение несогласованных публичных мероприятий и массовых беспорядков; подготовка и совершение терактов. Справедливо упомянуто и то, что

реальную угрозу современному обществу и государству представляют участвовавшие в зарубежных странах случаи фальсификации истории, индоктринации идей нацизма и фашизма. Установлена необходимость выявления и устранения источников финансирования экстремистской и террористической деятельности, недопущения неконтролируемой миграции.

Во-вторых, Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Основными вопросами государственной национальной политики, требующими чрезмерного внимания со стороны органов государственной власти являются наряду с прочими поддержание высокого уровня межконфессионального мира, религиозной терпимости, соблюдения прав и свобод верующих людей и активное противодействие экстремизму по религиозным основаниям, что подтверждается положениями подпунктом «а» и «б» пункта 4, подпунктом «г» и «д» пункта 5, пунктом 13, подпунктом «а» пункта 14, подпунктом «г» и «д» пункта 19.

В-третьих, Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». К задачам этого документа, помимо укрепления позиций российских средств массовой коммуникации в глобальном информационном пространстве, отнесена – популяризация среди зарубежной аудитории медиа российской точки зрения на международные явления и процессы.

По части обеспечения религиозной безопасности следует отметить, пункт 14 рассматриваемого документа, который гласит: «...тенденции используются экстремистскими силами, которые, опираясь, в частности, на искаженное толкование религиозных ценностей, призывают к применению насильственных методов для достижения своих целей в политическом, межнациональном и межрелигиозном соперничестве», а также заслуживает внимания пункт 19 «Подлинное объединение усилий международного сообщества влечет за собой необходимость формирования ценностных основ

совместных действий с опорой на общий духовно-нравственный потенциал основных мировых религий...».

В-четвертых, Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. Несправедливо лишена исследовательского внимания настоящая Концепция – документ стратегического планирования, определяющий государственную политику в сфере общественной безопасности.

Состояние общественной безопасности в Российской Федерации оценено как нестабильное, поскольку диагностируются такие угрозы (примечание – связаны с угрозами, отмеченными в иных документах подобного рода) как: терроризм, экстремизм, коррупция, незаконная миграция, преступность.

Следует отметить, важное положение, имеющие отношение к религиозной сфере – пункт 17 в котором разработчики документа указывают на такие результаты нелегальной внешней миграции как формирование террористических организаций и развитие религиозного экстремизма. К приоритетным задачам обеспечения общественной безопасности отнесены: «защита жизни, здоровья, конституционных прав и свобод человека и гражданина; к дополнительным – пресечение социальных и межнациональных конфликтов <...> религиозной розни, ненависти либо вражды» (подпункт «к» пункта 26).

В-пятых, приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе». Так, экспертизе подлежат устав и локальные акты религиозной организации, формы и методы ее деятельности, распространяемые материалы и т.д. К задачам экспертизы отнесены: установление религиозной характеристики организации; верификация указанных в документах сведений.

Проведение экспертизы отведено специальному Совету при Министерстве юстиции Российской Федерации или Совету при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации.

В-шестых, Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.). Определение религиозной организации, как и ее организационно-структурные, функциональные, целевые установки сопоставимы с нормами ранее проанализированных смежных нормативных правовых актов.

Необходимо отметить, что в 2014 г. в Главу 4 Гражданского кодекса Российской Федерации были внесены важные поправки. В действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации религиозные организации являются общественными образованиями, проповедующими конкретное вероучение, и одновременно являются субъектами имущественных отношений, которые регулируются гражданским правом. Особенностью имущественных отношений религиозных организаций является то, что на принадлежащее им имущество религиозного назначения не может быть направлено взыскание по требованиям их кредиторов.

Подводя итоги, скажем, что религиозная безопасность прямо не закреплена в законодательных и иных правовых актах в качестве правовой дефиниции. При изучении соответствующей проблематики следует обращаться к большому количеству источников, что существенно затрудняет поиск и анализ требуемого материала. Основы законодательного регулирования обеспечения религиозной безопасности не ограничивается приведенными нормативными правовыми актами, документами и источниками. Вопросы религиозной безопасности регулируются в том числе нормативными актами, закрепляющими различные виды ответственности за нарушение прав и законных интересов граждан в религиозной сфере. При анализе правовой природы религиозной безопасности следует обращаться к законодательным актам, регулиующим процессуальные вопросы рассмотрения и разрешения судебных дел по прекращению деятельности религиозных организаций. Правовое регулирование обеспечения религиозной безопасности разработано слабо и характеризуется низкой системностью, пробельностью и некоторой противоречивостью имеющихся

норм. В то время как разработаны и применяются нормативные правовые акты, регламентирующие меры и способы противодействия экстремизму и терроризму, в том числе по мотивам религиозной ненависти и вражды.

2.2 Проблемные аспекты конституционно-правовых основ обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации

Для установления и анализа проблемных аспектов конституционно-правового регулирования религиозной безопасности Российской Федерации требуются исходить из состояния нескольких практических блоков.

Первый блок – конституционно-правовая характеристика государства по отношению к религии. Основной закон Российской Федерации закрепляет совокупность конституционных принципов, которые являются отправной точкой при разработке и принятии норм регулирования российских государственно-конфессиональных отношений, среди них:

- светскость Российской Федерации;
- гарантии прав свободы совести и вероисповедания;
- недопустимость установление государственной религии;
- обособление религиозных объединений;
- отделение религиозных организаций от институтов государственной власти;
- правовой паритет религиозных объединений.

Российской особенностью конституционного закрепления светского характера государства являются ее императивность [39] и не имеющая подобия в конституционном праве зарубежных стран модель светского государства с высокими требованиями «дистанцирования» от религиозных объединений [53, с. 154–156].

Как отмечает И.В. Понкин светскость государства обуславливается наличием следующих факторов [71, с. 63–64]:

- во-первых, декларация и соблюдения права на свободную религиозно-конфессиональную самоидентификацию;
- во-вторых, недопустимость правового закрепления религии как общеобязательной для граждан;
- в-третьих, декларация и соблюдение прав и свобод людей независимо от их убеждений и принадлежности к той или иной религии;
- в-четвертых, декларация и соблюдение принципа разделения религии и государства;
- в-пятых, правовой паритет религиозных и общественных объединений.

В отечественной конституционно-правовой науке основополагающим принципом светского государства по праву считается недопустимость установления государственной и общеобязательной религии. Эта норма находит свое прямое отражение в пункте 1 статьи 14 Конституции Российской Федерации, где прежде устанавливается светский характер государства, а следующая норма исключает установление государственной и общеобязательной религии.

Рассматривая в подобном ракурсе государственно-конфессиональные отношения важно отличать понятийно-смысловое содержание вариативности этих отношений, а именно обязательную, господствующую, традиционную и государственную религии. Так, установление государственной религии в тексте основного закона не обязательно свидетельствует об умалении принципа светскости государства или каком-либо ущемлении гарантий соблюдения прав и свобод личности, в том числе на свободу совести. Как правило это может указывать на исторически сложившиеся религиозно-правовые ценности в обществе и государстве, которые объективно отражают религиозные убеждения и предпочтения большинства граждан при одновременной эмансипации государства от религиозных объединений [6, с. 72–73].

Фиксация того или иного способа идентификации институтов власти по отношению к религиозным объединениям и уровень соблюдения конституционных прав и свобод личности, прежде всего – свободы совести и вероисповедания увязаны со спектром общественных отношений, которые они призваны регулировать, однако не имеют прямой взаимозависимости.

Нельзя не отметить, что система государственно-конфессиональных отношений может носить двухуровневый формат, с одной стороны – через измерение относительной свободы религиозных убеждений, с другой – через идентификацию институтов государственной власти с тем или иным религиозным объединением [122].

Примечательно, что некоторые экспертные позиции базируются на том, что в полном объеме личность может реализовывать свою свободу совести и вероисповедания в условиях светскости государства и именно подобный характер государства гарантирует истинную свободу мировоззренческо-ценностного выбора. Однако этот пассаж несостоятелен. М.О. Шахов описывает, как в ряду основных законов стран – участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод декларируется государственная религия, и в тоже время строго соблюдаются и реализуются свобода совести и вероисповедания в отношении всех граждан независимо от религиозно-конфессиональной принадлежности либо отсутствия таковой [116, с. 24].

В этом случае следует проводить понятийную демаркацию государств, где установлена государственная религия, и те государства, где определенная религия объявлена общеобязательной. Если религия объявлена обязательной, то ее догмы и каноны являются источниками права, а в иных случаях – могут выступать фундаментом правовой системы, и в таких вариациях крайне несостоятельны доводы в пользу соблюдения того или иного объема прав на свободу совести и вероисповедания.

Как отмечает С.Д. Афанасьев, отсутствие религии на государственном или общеобязательном для населения уровне никоим образом не указывает на индифферентность государства к религиозной рефлексии граждан,

поскольку на светское государство ложится обязанность по урегулированию и упорядочиванию общественных отношений, возникающих в религиозной сфере [6, с. 73], в том числе и вопросов, связанных с религиозной безопасностью. Светское государство дистанцировано от возможной оценки легитимности религиозных воззрений, что создает некоторые проблемы при обеспечении религиозной безопасности, они могут быть связаны с конфликтом по поводу приоритетности религиозных либо конституционно-правовых ценностей.

Не менее важный признак светскости государства, подчеркивающийся в специальной научной литературе – удаление институтов государственной власти от религиозных объединений (в т.ч. – религиозных организаций). Этот признак, как правило, признается в качестве системообразующего и наиболее популярного в конституционно-правовом зарубежном праве при уточнении характеристики светской модели государственно-конфессиональных отношений.

М.А. Краснов предлагает подход, основанный на формальной логике, согласно которому религиозные объединения, не являясь частью институтов государственной власти не могут, соответственно, и быть от него отдалены, то есть отсутствуют основания для их отделения [46, с. 387]. Так, содержание принципа светскости государства состоит в том, что государственная власть не делегирует религиозным объединениям (в т.ч. – религиозным организациям) своих институциональных функций и полномочий, а также не прибегает к мерам по согласованию с религиозными объединениями государственно-управленческих решений и, соответственно, не «подключает» религиозные объединения к государственному управлению. Подобный принцип закреплен в ранее проанализированном нами – российском законодательстве, пунктами 2 и 5 статьи 3 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Иной важный признак светского государства, закрепляемый основным законом государства – правовой паритет религиозных объединений, который

коррелирует с принципом дистанцирования религиозных объединений от государства. Институты государственной власти, не допуская религиозные объединения к государственному управлению, не должны отдавать какое-либо преимущество одной или нескольким религиозным объединениям.

Правовой паритет религиозных объединений находит свое отражение в правовых установлениях по требованиям к учредительным документам этих организации, их задачам, созданию и функционированию. В текущее время ни одна из религиозных объединений в России не обладает преимуществами и не может быть подвержена каким-либо ограничениям не предусмотренным законодательством [57, с. 50].

Модель российских государственно-конфессиональных отношений основана на сотрудничестве государства и религиозных объединений.

Декларируемая приверженность принципу светскости государства, на деле оборачивается некоторой клерикализацией государства, выражающаяся в косвенном предоставлении идеологических, материально-финансовых, культурных, социально-политических и административных преференций.

Принцип дистанцирования государства от религиозных объединений не сигнализирует о полном отказе институтов государственной власти оказывать всяческое содействие религиозным объединениям в социальной и духовно-просветительской деятельности, поэтому некоторая степень клерикализации выглядит обоснованной. Однако именно это обстоятельство содержит некоторые диссонирующие аспекты конституционно-правового обеспечения религиозной безопасности, поскольку косвенные преференции тем или иным религиозным объединениям могут содержать определенные риски эскалации межрелигиозных и межконфессиональных трений.

Подтверждение тому – характер тесных взаимодействий РПЦ МП с Вооруженными Силами Российской Федерации, и особая роль первой в удовлетворении духовно-патриотическом воспитании молодежи.

Конституция Российской Федерации в 2020 г. дополнилась важными конституционными принципами (статья 75.1 Основного закона), имеющими

отношение к государственно-конфессиональным отношениям, среди них: формирование и поддержание условий, взаимного доверия государства и социума, социальное партнерство и солидарность. Не взирая на то, что связь между этими принципами прямо не установлена с религиозной средой, она имеет определяющее значение для обеспечения религиозной безопасности и системы российских государственно-конфессиональных отношений.

Данный подход направлен на учет в конституционно-правовом регулировании не сугубо правовых источников, но и иных социально-значимых норм, в первую очередь – норм традиционных религий. Возможно, содержание этого подхода крайне своевременно, поскольку оно проявляет конструкцию наиболее полного и объективного представления о специфике российского социума, применяемых им установок социального регулирования и возникающих на их основе упорядоченных социальных процессов [64, с. 211–217].

Следующий блок – закрепление религиозных ценностей и убеждений в тексте Основного закона Российской Федерации. В данном случае, следует обратиться, к ранее упомянутой нами норме пункта 2 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации. Данная конституционная норма вызвала неоднозначные дискуссии среди научно-экспертного сообщества. Однако авторы и представители специальной рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Основной закон Российской Федерации сочли изложенную формулировку нейтральной, носящей исключительно исторический характер, и, соответственно не дискредитирующий принципы светскости государства. Так, не сильно соответствующая юридическому дискурсу формулировка поправки и ее включение в Основной закон Российской Федерации в качестве отдельной статьи, а не в преамбулы (что, по нашему мнению, в большей мере соответствовало бы «духу» и смыслу изложения) оставляет открытым вопрос о законодательных целях и возможных юридических последствиях конституционно закрепленной «веры в Бога...».

Конституционная новелла предопределяет необходимость учета при реализации государственной политики исторически обусловленной роли, которую религиозный компонент оказал на становление и развитие российской государственности. На наш взгляд, подобное определение нормативного правового смысла, данное судом никоим образом, не приближает к ее исчерпывающему пониманию.

Как отмечает А.М. Осавелюк для Российской Федерации свойственна модель, при которой государство объявляет себя внерелигиозным, но вместе с тем учитывает историко-культурное наследие и традиции религиозных объединений, способных положительно воздействовать на общественный климат [63, с. 165].

Нужно заметить, что реализация государственной политики с учетом отечественной религиозной специфики и роли «традиционных» религиозных объединений для Конституционного Суда Российской Федерации не носит новизны. При оценке конституционности некоторых законодательных актов судебная инстанция прибегала к использованию особенностей религиозно-конфессионального состава российского социума. По ряду из них позиция Конституционного Суда Российской Федерации заключалась в следующем:

- принцип светского государства в толковании, сформированном в государствах с выраженной монорелигиозной и моноконфессиональной структурой, традициями религиозной терпимости и плюрализма, не могут экстраполироваться по умолчанию на российскую действительность [75], т.к. для российского общества свойственно наличие фундаментальных мировых религиозных объединений, тесно связанных с этническим фактором;
- российская конфессиональная палитра выделила в законодательном отношении как «традиционные» религии, в соответствии с преамбулой ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [62];

- российские политические структуры (партии и движения) не могут быть созданы по религиозному основанию, а активное участие религиозных объединений и политизация религии повлекли бы деформацию религии как формы социальной идентичности;
- для Российской Федерации нет необходимости создавать условия для пропаганды, поддержки и признания однополых союзов, т.к. российское общество формировалось на основе традиционных представлений о семейных ценностях, связанных отчасти с традиционными религиями и конфессиями [74].

Таким образом, учет религиозной принадлежности представителей российского социума в текущих условиях представляется важным. Но, за этой процедурой могут скрываться серьезные риски злоупотребления учетом роли и возможными нарушениями конституционного принципа равенства религий, светского государства. Соответственно, представляется нужным конкретизировать конституционно-правовые изменения в законодательном регулировании и правоприменительной практике.

Конституционно-правовое закрепление «идеалов и веры в Бога» как высших морально-нравственных категорий в некоторой степени обязывает традиционные религиозные объединения разъяснять и развивать религиозно-правовые ценности, дабы транслировать их значение практически для всех категорий российских граждан. Тем не менее, понимание «веры в Бога» исключительно в качестве морально-нравственной категории, в отрыве от ее непосредственно теологического смысла, не соответствует сущности религии и может показаться попыткой «секуляризации», возможно девальвирующей мировоззренческую составляющую. Приверженность принципам светского государства, свободы совести и вероисповедания, с одной стороны, и учет религиозно-конфессиональной специфики российского общества, с другой стороны требует детальных разъяснений для снятия внутренних смысловых и нормативных противоречий, требуется нахождение нового баланса религиозно-правовых ценностей.

Последний блок – конституционно-правовое закрепление особой роли «традиционных» религий. Особая роль традиционных религий определено в преамбуле ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии с которой государство признает значение и роль православной веры в истории Российского государства, в частности становлении ее аутентичной духовной культуры, указывает на уважением мировых религий – христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий. По мнению отдельных представителей научно-экспертного сообщества, подобные нарративы могут лечь в основу конфликтов в условиях правоприменительной практики и толковании норм указанного правового акта [54, с. 14–20].

Другие полагают, перечисление традиционных религий и признание ключевой роли православной веры не является иерархизацией, а показатель степени их распространения среди населения Российской Федерации, что так или иначе соотносится с зарубежным опытом. Выделение в законодательстве определенных религий (конфессий) не предоставляет им особого положения или административно-правовых преимуществ/привилегий ни в отношении друг друга, ни перед иными религиями (конфессиями) [2, с. 3–23].

Отечественная законотворческая и правоприменительная практика показывают, что выделение отдельных религий сопряжено с юридическими последствиями. Например, это индифферентный или несколько предвзятый подход государства к обеспечению прав и свобод религиозных объединений, за которыми не признана особая роль в российской истории и культуре. Так, нормы указывают на некое привилегированное положение традиционных религиозных объединений.

Возможно, закрепление особой роли и значения отдельных религий и конфессий с поправкой на исторические, социокультурные и духовные представления российского социума является уместным допущением, соответствующим настоящему пониманию принципа светскости государства. Но недопустимо, чтоб правоприменение норм законодательных актов приводило к ограничению прав и гарантий осуществления деятельности тех

религиозных объединений, которые не относятся к «традиционным» религиям или конфессиям. Особенности отечественной модели государственно-конфессиональных отношений и ее практическое воплощение диагностируют дифференциальный подход органов государственной власти к религиозным объединениям.

Примечательна позиция Е.Г. Головина который полагает, что равенство религиозных объединений перед законом выходит за пределы установленных параметров, РПЦ, как и другие традиционные российские религиозные объединения нуждаются в юридической легитимации собственного статуса для оптимизации и укрепления государственно-конфессиональных отношений со снятием существенной доли конфликтов и противоречий в религиозно-конфессиональной среде [14, с. 84–90].

Таким образом, проблемные аспекты конституционно-правового регулирования религиозной безопасности Российской Федерации отражены в контексте конституционно-правовой характеристики государства по отношению к религии; правовом паритете религиозных объединений, который коррелирует с принципом дистанцирования религиозных объединений от государства; конституционно-правовом закреплении особой роли «традиционных» религий. Вместе с тем, отдельного внимания могли бы заслужить такие конституционно-правовые элементы, коррелирующие с обеспечением религиозной безопасности, как: уважение внутренних установлений религиозных объединений, особенности правовой защиты чувств верующих, установлении нерабочих государственных праздников, связанных с религиозными датами и другое.

На основе проведенного анализа и выявленной пробельности, слабой разработанности основ правового регулирования обеспечения религиозной безопасности Российской Федерации, а также складывающейся вокруг России негативной международно-политической обстановки, представляется целесообразным разработать и принять в развитие ключевых положений Конституции Российской Федерации, ФЗ «О свободе совести и о

религиозных объединениях» и Стратегии национальной безопасности от 2021 г. – Концепции государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. Системы официальных взглядов, определяющей приоритеты, цели, принципы, задачи и основные направления: государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации, обеспечения религиозной безопасности, обеспечения свободы совести и вероисповедания, межконфессионального и межрелигиозного согласия и терпимости, равенства перед законом всех без исключения религиозных объединений и другое.

В рамках данного документа могут быть систематизированы (собраны) и даны определения ключевых понятий, которые по уже известным причинам были опущены российским законодателем, среди них – государственно-конфессиональные отношения, религия, конфессия, религиозная безопасность, межконфессиональное и межрелигиозное согласие, терпимость и другое.

В рамках данного документа, отдельный блок (раздел) может быть посвящен вопросам обеспечения религиозной безопасности, раскрывающий современное состояние межконфессиональных и межрелигиозных отношений в Российской Федерации; внешние деструктивные процессы, призванные девальвировать ценностное, культурное, историческое, духовное и религиозное наследие народов России; инструменты и механизмы противодействия угрозам и вызовам религиозной безопасности, а также стратегические направления совершенствования государственно-конфессиональных отношений.

Заключение

Обеспечение безопасности личности, общества и государства во все исторические периоды являлось одним из самых приоритетных направлений государственной политики. Подходы к обеспечению безопасности в масштабе общества и государства всегда избирались самые разнообразные. В последнее время вопросам обеспечения безопасности Российской Федерации уделяется повышенное внимание, что связано с нестабильной международной обстановкой, принятием некоторых геополитических решений, активизацией Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом.

Тематика обеспечения религиозной безопасности общества, социальных групп и отдельных граждан является остро актуальной, и эта актуальность в связи с развитием деструктивных процессов будет только возрастать. Термин «религиозная безопасность» является предметом острых научных дискуссий, а в нормативных правовых актах и официальных документах не закреплён в принципе. Между тем, в анализируемых нормативных правовых актах и других официальных документах констатируется наличие отрицательных явлений, связанных с угрозами и вызовами в религиозной сфере, негативным информационным влиянием на массовое, групповое и индивидуальное сознание российских граждан. В ряде документов содержатся практические меры, нацеленные на нейтрализацию угроз религиозной безопасности, к которым можно отнести развитие религиозного экстремизма и терроризма, межрелигиозные и межконфессиональные трения, дискриминацию и ущемление по религиозному основанию.

Тема конституционно-правовых основ религиозной безопасности Российской Федерации интересная, перспективная, требует дальнейших научных изысканий как в области конституционно-правовой, так и гуманитарной науки.

Комплексный характер проблем религиозной безопасности и высокая динамичность процессов в религиозно-конфессиональной сфере требуют повышения уровня координации общих усилий и действий государства, религиозных объединений (религиозных организаций), иных коммерческих структур и гражданского общества в области обеспечения системы религиозной безопасности.

Национальные интересы России в религиозной сфере обуславливают необходимость сосредоточения усилий общества и государства на решении таких задач, как соблюдение конституционных прав и свобод граждан в области свободы совести и вероисповедания; защита национальных духовных ценностей; пропаганда национального культурного наследия, норм морали и общественной нравственности; обеспечение права граждан на получение достоверной информации; защита от деструктивных религиозных течений и организаций, в том числе радикальной и экстремисткой направленности, развитие современных телекоммуникационных технологий.

Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения религиозной безопасности, по ходу девальвации традиционных ценностей и культуры эта зависимость лишь увеличивается. Угрозы религиозной безопасности Российской Федерации и методы ее обеспечения являются общими для этих сфер. В каждой из них имеются свои особенности обеспечения безопасности в религиозной сфере, связанные со спецификой объектов обеспечения безопасности, степенью их уязвимости в отношении угроз религиозной безопасности Российской Федерации.

В каждой области жизнедеятельности общества и государства наряду с общими способами обеспечения религиозной безопасности могут применяться частные средства и формы, обусловленные спецификой факторов, влияющих на состояние безопасности Российской Федерации.

Будущие конфликты будут направлены на то, чтобы уничтожить без открытого боя противоборствующую сторону, но не столько физически,

сколько духовно, ментально, ценностно, преследуя основную цель – использование потенциала побеждённых в своих интересах и по своему усмотрению.

Государством должен быть выработан эффективный механизм защиты общества от воздействия деструктивных религиозных структур. Особое место в системе такого механизма должно принадлежать традиционным религиозным объединениям, так как именно от них в значительной степени сегодня и в обозримой перспективе зависит состояние, степени защищенности общества от потенциальных вызовов угроз в религиозной сфере.

Религиозная безопасность имеет прямую зависимость от конституционно-правового регулирования, а это, в свою очередь, свидетельствует об особой роли в процессе обеспечения религиозной безопасности – конституционно-правовой науки.

В связи с увеличением количества угроз национальной безопасности, безопасности общественной и личной безопасности граждан, в том числе в сфере реализации свобод совести и вероисповедания, растет количество нормативных актов, регламентирующих данную сферу.

При этом необходимость и целесообразность принятия нормативных актов, регулирующих сферу религиозной деятельности, сферу свободы совести и вероисповедания, зачастую является предметом оживленных дискуссий, требующих глубокой научно-экспертной проработки.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Авакьян С.А. Религиозные организации и гражданское общество // Конституционное право России: Избранные статьи. 2010-2016. Махачкала, 2016. 501 с.
2. Авакьян С.А. Свобода вероисповедания как конституционно-правовой институт // Вестник Московского государственного университета. Серия 11. Право. 1999. № 1. С. 3–32.
3. Аленькин И.В. Общественные объединения в системе конституционно-правовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2019. 329 с.
4. Андреева Л.А. Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М.: Ладомир, 2001. 251 с.
5. Артеменков К.В. Правосубъектность общественного объединения: антрополого-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Калининград, 2018. 220 с.
6. Афанасьев С.Д. Современная российская модель государственно-конфессиональных отношений: конституционно-правовые основы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. 2020. М. 220 с.
7. Афанасьева С.Д. Особенности законодательного регулирования религиозных объединений в России // Законодательство. 2020. № 4. С. 50–56.
8. Баранов Н.А. Политические основы национальной безопасности России // Геополитика и безопасность. 2010. № 2. С. 93–94.
9. Белокрылова Е.А., Бевзюк Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390–ФЗ «О безопасности» (постатейный) // Справочная правовая система «Гарант».
10. Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. 1994. № 3. С. 91–92.

11. Вишняков В.Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 27–39.

12. Воронов А.М. Концепция общественной безопасности: вопросы реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4. С. 35–42.

13. Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // Справочная правовая система «Гарант».

14. Головин Е.Г. Допускает ли равенство религиозных объединений перед законом существование «традиционных религий»? // Власть. 2018. № 9. С. 84–90.

15. Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Справочная правовая система «Гарант».

16. Грачева С.А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского Суда по правам человека: научно-практическое пособие. М.: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ»; 2012. Справочная правовая система «Гарант».

17. Гречко П.К. К вопросу о понятии «национальная» безопасность // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 105–110.

18. Григорьев О.В. Вопросы политико-правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2019. № 1. С. 67–71.

19. Гунич С.В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 15–17.

20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т.1.

21. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятая 18 декабря 1992 г. // Справочная правовая система «Гарант».

22. Демидов А.Ю. Система обеспечения национальной безопасности России (теория и практика правового регулирования) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 237–240.

23. Демин Г.И., Бадаева Д.Р. Причины и условия возникновения, общественная опасность экстремизма на основе радикальных течений ислама // Журнал «Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4. С.8–14.

24. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, подписанный 29 июня 1990 г. в г. Копенгаген // Справочная правовая система «Гарант».

25. Дугенц А.С., Мельников А.В., Васильев Ф.П., Дашко М.Н. Вопросы административно-правового регулирования обеспечения безопасности современной России // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 65–67.

26. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Сайт ФСБ России. [Электронный ресурс] : URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения 07.04.2022).

27. Женевская Конвенция об обращении с военнопленными, принятая 12 августа 1949 г. в г. Женева // Справочная правовая система «Гарант».

28. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Справочная правовая система «Гарант».

29. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях (религиозных организациях). Сайт Минюста России [Электронный ресурс] : URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения 07.04.2022).

30. Итоговый документ Мадридской встречи 1980 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, созываемой на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после совещания, подписанный 6 сентября 1983 г. в г. Мадрид // Справочная правовая система «Гарант».

31. Казаков Н.Д. Безопасность и синергетика (опыт философского осмысления) // Безопасность. 1994. № 4. С. 62–63.

32. Казанник А.И. Правовые проблемы совершенствования системы в исполнительной власти, противодействующих религиозному экстремизму в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 2. С.27–35.

33. Калюжный А.Н. Федеральный закон «О безопасности»: итоги реализации и перспективы развития // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 7–10.

34. Камалова А.А. Основные принципы и направления государственно-религиозных отношений в светском государстве: мировой и российский опыт: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. 2019. М., 190 с.

35. Кардашова И.Б. О проблемах исследования обеспечения национальной безопасности // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 29–32.

36. Ковалевский В.И. О некоторых аспектах реализации конституционной свободы вероисповедания // Развитие теорий. 2018. № 4. С. 10–14.

37. Козлов Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М., 2003. 318 с.

38. Козлов С.В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2006. 138 с.

39. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) // под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, 2011. 999 с.

40. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая 4 ноября 1950 г. в г. Риме // Справочная правовая система «Гарант».

41. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, принятая 26 мая 1995 г. в г. Минск // Информационном вестнике Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество», 1995. № 2. С. 30.

42. Конституционное право России. Учебный курс (Авакьян С.А.) (учебное пособие в двух томах, том первый; издание седьмое, перераб. и доп.). М.: Норма: ИНФРА-М, 2021, 864 с.

43. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Справочная правовая система «Гарант».

44. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. // Справочная правовая система «Гарант».

45. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

46. Краснов М.А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2018. 454 с.

47. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Мифы безопасности как элемент политического сознания // Вопросы безопасности. 2017. № 3. С. 62–87.

48. Ласария А.О. Вопросы обороны страны в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. № 4. 2021. С. 60–67.

49. Макангали Б., Амирбекова С., Хамитова М., Байдаров Е. Религиозные аспекты сирийского кризиса и их отражение в социальных сетях // Центральная Азия и Кавказ. 2020. № 1. С. 113–124.

50. Макаров В.Е. Управление обеспечением национальной безопасности в социальной сфере России: политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2011. 424 с.

51. Мальцев В.А. Особенности правовых механизмов обеспечения реализации контрольной функции государства в различных сферах национальной безопасности России // Конституционализм и государство-ведение. 2020. № 1. С. 23–31.

52. Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Саратов, 2004. 411 с.

53. Маркова Е.Н. Принцип светского государства (Глава 7) // Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. 2013. С. 183–213.

54. Маркова Е.Н. Светское государство или путь к клерикализму? // Мониторинг конституционных процессов в России. 2012. № 1. С. 14–20.

55. Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый 16 декабря 1966 г. в г. Нью-Йорк // Справочная правовая система «Гарант».

56. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый 16 декабря 1966 г. в г. Нью-Йорк // Справочная правовая система «Гарант».

57. Мещерякова А.Ф. Светское государство в современной России: проблемы и перспективы развития. 2013. М.: Юрлитинформ, 200 с.

58. Набиева Р.А., Гафаров А.А., Ибрагимов Р.Р. Государственно-конфессиональные отношения в России. Казань: Казан. ун-т, 2013. 204 с.

59. Назаров В.П., Афиногенов Д.А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. № 1. 2020. С. 9–18.

60. Общая теория национальной безопасности: учебник / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: РАГС, 2005. 344 с.

61. Овчинникова А.И., Фоминская М.Д. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С.7–15.

62. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2017 г. № 463-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лукашонка Виктора Николаевича, Лукашонок Татьяны Анатольевны, Хиневича Александра Юрьевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 3.1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Справочная правовая система «Гарант».

63. Осавелюк А.М. Церковь и государство. М.: Проспект, 2019. 432 с.

64. Осавелюк А.М., Чихладзе Л.Т. Проблемы преподавания конституционного права в светском государстве // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 211–217.

65. Парижская хартия для новой Европы, принятая 21 ноября 1990 г. в г. Париже // Газета «Известия» от 22 ноября 1990 г.

66. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Сайт Минюста России. [Электронный ресурс] : URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения 02.04.2022).

67. Петрянин А.В., Петрянина О.А. Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 173-174.

68. Пибаяев И.А. Конституционно-правовой статус светского государства в России и Италии: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2018. 29 с.

69. Повесть временных лет. [Электронный ресурс] : URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/original/9571-Повесть-временных-лет.pdf> (дата обращения: 02.02.2022).

70. Поздняков А.И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Угрозы и безопасность. 2013. № 21. С. 46–53.

71. Понкин И.В. Светскость государства. М.: УНЦ ДО, 2004. 466 с.

72. Попов Г.Г. Миграционная безопасность России: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 140 с.

73. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 15 декабря 1996 г. № 918-П ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России» // Справочная правовая система «Гарант».

74. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Справочная правовая система «Гарант».

75. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Справочная правовая система «Гарант».

76. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 21.1 и пункта 7 статьи 22 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в связи с жалобой гражданина А.В. Федичкина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 51. Статья 7551.

77. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных

объединениях» (законопроект № 514138-7) [Электронный ресурс] : URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/46E19B04-E087-46D3-B68C-ED7235B5A591>.

78. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» // Справочная правовая система «Гарант».

79. Пчелинцев А.В. К вопросу о правовом определении понятий «религия» и «традиционная религия» // Юридический мир. 2012. № 5. С. 56–59.

80. Рахманова Е.Н., Щеглова М.В. Понятие некоммерческих организаций, религиозного или общественного объединения по российскому законодательству // Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика и правоприменительная практика». 2016. С. 253–257.

81. Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14. М., 2011. 431 с.

82. Редкоус В.М. Актуальные вопросы обеспечения экономической безопасности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 года // Закон и право. № 8. 2021. С. 23–27.

83. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. № 36/55 «Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» // Справочная правовая система «Гарант».

84. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.] / под ред. М. К. Горшкова, В.В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

85. Садков А.Н. Религиозные организации как субъекты гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2004. 224 с.

86. Самойлов В.Д. Правовые основы обеспечения национальной безопасности России: учеб. пособие. М.: Московский Университет им. С.Ю. Витте, 2008. С. 31.

87. Свобода совести: проблемы теории и практики / Под ред. Ф.М. Рудинского, С.А. Бурьянова. М., 2012. С. 1037-1038.

88. Сигарев А.В. К вопросу о сущности религиозного экстремизма // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1. С. 46–51.

89. Скамьянов С.А., Вертинский А.В. Сравнительно-правовой анализ религиозных и общественных объединений // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2008. № 1. С. 71–75.

90. Сластилина Ю.В. Свобода вероисповедания в Российской Федерации: правовое регулирование и обеспечение религиозной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Архангельск, 2006. 215 с.

91. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт // Сборнике действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, М., 1977.

92. Суворовцев А.И. Государственно-конфессиональные отношения: учеб. пособие. М.: РПА Минюста России. 2011. 102 с.

93. Сулова Е.С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13. М., 2004. 152 с.

94. Тарасевич И.А. конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. Тюмень: ТюмГУ, 2015. 376 с.

95. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (Хабриева Т.Я., Клишас А.А.). М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 240 с.

96. Тихомиров Д.А. Особенности религиозности московских студентов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 177–191.

97. Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (в ред. от 25 ноября 2019 г.) // Справочная правовая система «Гарант».

98. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Справочная правовая система «Гарант».

99. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Справочная правовая система «Гарант».

100. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Справочная правовая система «Гарант».

101. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Справочная правовая система «Гарант».

102. Устав Русской православной церкви [Электронная ресурс] : URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419782.html> (дата обращения 12.02.2022)

103. Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82–ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) «Об общественных объединениях» // Справочная правовая система «Гарант».

104. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7–ФЗ «О некоммерческих организациях» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Справочная правовая система «Гарант».

105. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ «О противодействии экстремисткой деятельности» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Справочная правовая система «Гарант».

106. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125–ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Справочная правовая система «Гарант».

107. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390–ФЗ «О безопасности» (в ред. от 9 ноября 2020 г.) // Справочная правовая система «Гарант».

108. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Справочная правовая система «Гарант».

109. Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327–ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Справочная правовая система «Гарант».

110. Федеральный закон от 4 ноября 1995 г. № 163–ФЗ «О ратификации Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека» // Справочная правовая система «Гарант».

111. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35–ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. 26 мая 2021 г.) // Справочная правовая система «Гарант».

112. Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54–ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Справочная правовая система «Гарант».

113. Чапчиков С.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390–ФЗ «О безопасности» (постатейный). М.: «Юстицинформ», 2011. 240 с.

114. Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации. [Электронный ресурс] : URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/02-11.docx> (дата обращения: 10.02.2022).

115. Шамаров П.В. Национальная безопасность: содержание и понятия // Этносоциум. № 4. 2019. С. 16–24.

116. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. М., 2019. 880 с.

117. Шевкопляс Е.М. Уголовно-правовая охрана свободы совести России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 1999. 194 с.
118. Экстремистские материалы. Сайт Минюста России. [Электронный ресурс] : URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=53&> (дата обращения 12.04.2022).
119. Юридическая служба Московской Патриархии. Закон о волонтерах [Электронный ресурс] : URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5151308.html> (дата обращения: 10.02.2022).
120. Christian Green M. Religion, Law and Security in Africa (Law and Religion in Africa). SunPress. 2018. 426 p.
121. Doe N. Law and Religion in Europe: A Comparative Introduction. NY: Oxford Press, 2011. 305 p.
122. Durham W.C. Jr., Scharffs Br. G. Law and Religion: National, International, and Comparative Perspectives. New York: Law & Business, 2019.
123. Fokas E. Religion and Human Rights in Greece // Global Eastern Orthodoxy. № 1. 2020. P. 101–124.
124. Joppke C. The Secular State Under Siege: Religion and Politics in Europe and America. MA: Polity Press, 2015. 236 p.
125. Smith H. The World's Religions: Our Great Wisdom Traditions. New York: Harper, 1991. 425 p.